

С 6-72

К 90

II

КУЛЬТУРА ВОСТОКА

СБОРНИК МУЗЕЯ
ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР

II

Издание Музея Восточных Культур
МОСКВА
1928

С6-72
К 90

КУЛЬТУРА ВОСТОКА

СБОРНИК МУЗЕЯ
ВОСТОЧНЫХ КУЛЬТУР

II

С6-902,6

СА-708

Издание Музея Восточных Культур
МОСКВА
1928



Культура Востока

Печатается по постановлению Правления Музея Восточных Культур.

Рисунки выполнены по снимкам Б. Н. Засыпкина и П. Е. Корнилова.

Тип. К-ва «Наука и Просвещение» Остоженка, Савельевский п. 13.

Мосгублит 15462

Тираж 600 экз.

1821

Экспедиция Музея Восточных Культур в Среднюю Азию 1927 года

В плане работ Музея Восточных Культур с самого начала его деятельности была поставлена задача экспедиционного исследования в культурно-историческом отношении народов Советского Востока. В первую очередь была начата эта работа в отношении Средней Азии. Именно туда была отправлена осенью 1926 года первая экспедиция Музея. Работа экспедиции протекала главным образом в Термезе; предварительный отчет о ней уже напечатан¹⁾. Этот отчет мы закончили формулировкой тех задач, которые предстояло выполнить в дальнейшем («Культура Востока» 1927 г., с. 18). Работа второй экспедиции²⁾ проходила главным образом в направлении углубления научно-исследовательской работы в археолого-архитектурном отношении в термезском районе. Удалось осуществить и археологическую разведку. Расширение работы изучения могло осуществиться лишь в отношении джар-курганской группы развалин, где был подвергнут фиксации и основательно изучен джар-курганский минарет. Но зато в термезском районе была проведена очень интересная работа, давшая ряд весьма важных открытий, из которых особенно интересными представляется открытие А. С. Стрелковым фрагментов буддийских статуй и архитектурных деталей из известняка (см. ниже статью о них А. С. Стрелкова), а также открытие в одном из зданий чрезвычайно интересной резной шутовой декорации стен. Исследуя поле развалин в восточной части древнего Термеза, мы натолкнулись на группу развалин. В одной из этих построек из сыр-

цового кирпича, которую мы назвали здание № 1 (рис. 1), В. Л. Вяткин и Б. Н. Засыпкин в восточной части южной стены у самой поверхности земли обнаружили следы резной гипсовой облицовки. В результате произведенной археологической разведки, носившей предварительно - ориентировочный характер, удалось обнаружить на восточной половине южной стены довольно хорошо сохранившуюся гипсовую резную декорацию. В виду недостатка времени и средств разведка была ограничена немногими шурфами. По окончании работы все обнаруженное раскопкой было вновь закопано. Выяснение назначения здания и окончательное раскрытие всей декорации—одна из основных задач экспедиции 1928 г. Благодаря участию в экспедиции представителя Сред'азкомстариса археолога В. Л. Вяткина оказалось возможным произвести эту раскопку, а также ряд небольших археологических разведок внутри сооружения Кырк-Кыз и зондаж внутри древней крепости. Таким образом удалось археологической разведкой углубить первоначальную основную задачу экспедиции, имевшей главной задачей обследование и изучение надземных памятников и сбор археологических материалов. Весьма важная и серьезная работа была произведена под руководством Б. Н. Засыпкина по обмеру главных архитектурных памятников Термеза (об архитектуре Термеза см. ниже статью Б. Н. Засыпкина).

Из новых результатов изучения архитектуры укажу на установление датировки минарета: В. Л. Вяткиным была прочитана надпись, гласящая, что он построен в 423 г. х. (1031 г. н. э.). В. Л. Вяткин и Б. Н. Засыпкин произвели глазомерную с'емку в восточной части древнего Термеза, выяснили направление и произвели обмеры стен в этой местности. К сожалению, часть материалов по обмерам была похищена у В. Л. Вяткина при возвращении его из Термеза в Самарканд³). Повсюду членами экспедиции собирался под'емный материал: поливная и неполивная керамика; также фрагменты майолики, подобранные около пиштака мазара в Султан Саадате. Трех важнейшим районам: Чингиз Тепе, району крепости и привокзальному соответствуют три типа керамики, характерные для культуры данного района. Экспедицией произведена планомерная фотофиксация памятников, значительно дополнившая работу первой экспедиции.

Фотосъемку произвели с большим успехом члены экспедиции Б. Н. Засыпкин и П. Е. Корнилов. Из других работ экспедиции отметим еще снятие эстампажей с деталей резной штукатурной декорации и с гробницы Аль-Термези. Работа эта произведена с большой тщательностью членами экспедиции П. Е. Корниловым и А. С. Стрелковым. Кроме исследовательской работы в районе древнего Термеза, экспедицией была произведена работа в Джар Кургане. В Джар Кургане



1. Термез. Здание № 1.

осмотрели упоминаемые Ананьевым в его «Орошении ширабадской долины» группу развалин и минарет. От развалин в настоящее время сохранилось 3—4 незначительных руины. Замечательный в художественном отношении памятник — джаркурганский минарет сохранился относительно хорошо, хотя, как показывает сравнение со снимком Б. Н. Кастальского, сделанным в 1902 году, разрушение минарета пошло вперед.

До начала работ в Термезе пишущим эти строки и Ученым Секретарем Музейного Отдела Татреспублики П. Е. Корниловым была предпринята в порядке предварительного обследования памятников поездка в Маргелан и Ура Тюбе. В Маргелане привлекал внимание минарет в мазарате Кадамгох и Падшо Искандар (место остановки Искандера),

о котором было предположение, не относится ли он к домонгольской эпохе. Весь ансамбль, заснятый П. Е. Корниловым, состоит из мазара новой постройки и двух старинных минаретов. Более интересен южный минарет, сохранивший старый фриз—резной в серой штукатурке; низ минарета реставрирован. Северный же минарет весь реставрирован в недавнее время. Характер орнамента в резном фризе южного минарета находит аналогии в памятниках тимуровской эпохи (напр. Рухабат). Во всяком случае минарет не может быть отнесен к более ранней эпохе, скорее же к еще позднейшей. Других старинных и интересных в архитектурном отношении памятников в Маргелане нет.

В Ура Тюбе сохранился ряд интересных памятников архитектуры и резьбы по дереву. Из памятников архитектуры отмечу соборную мечеть Кок-Гумбаз, медресе Рустамбека, Старый Мазар и Мазар Муг. Прежде всего о Кок Гумбаз. Эпохой ее постройки предание называет время Абдул-Латифа; это предание живет и поныне: Абдул-Латифа⁴⁾ называли, как строителя мечети и шейхи живущие при Кок Гумбаз и встретившийся около мечети старик таджик из местных жителей. Датировка здания серединой 16 века не противоречит характеру стиля здания. Здание дошло до нас в реставрированном и частично в уродливо искаженном виде. Еще в Кауфмановском Альбоме (снято ок. 1870 г.) дан был снимок с Кок Гумбаз и тогда здание было в руинальном состоянии и лишено наружного купола. Лет 15 тому назад здание подверглось безобразной реставрации, но сохранило древний план и остались, по счастью, нетронутыми некоторые части. Барабан облицован довольно хорошо сохранившейся кирпичной изразцовой мозаикой из полированных терракотовых кирпичей; тона изразцовых кирпичей: синий, голубой, белый, желтый. Главный пиштак целиком реставрирован: по штукатурке росписан клеевыми красками (главным образом зеленой и желтой); арка деревянная. С восточной стороны пиштака из под побелки видны голубые и синие поливные кирпичи. Внешний купол упал уже давно, барабан сохранился, прикрыт некрашенной железной крышей. На барабане надписи и узоры из поливных кирпичей синего и голубого цвета сохранились с востока, северо-запада. С севера в одном месте виден фрагмент мозаичной над-

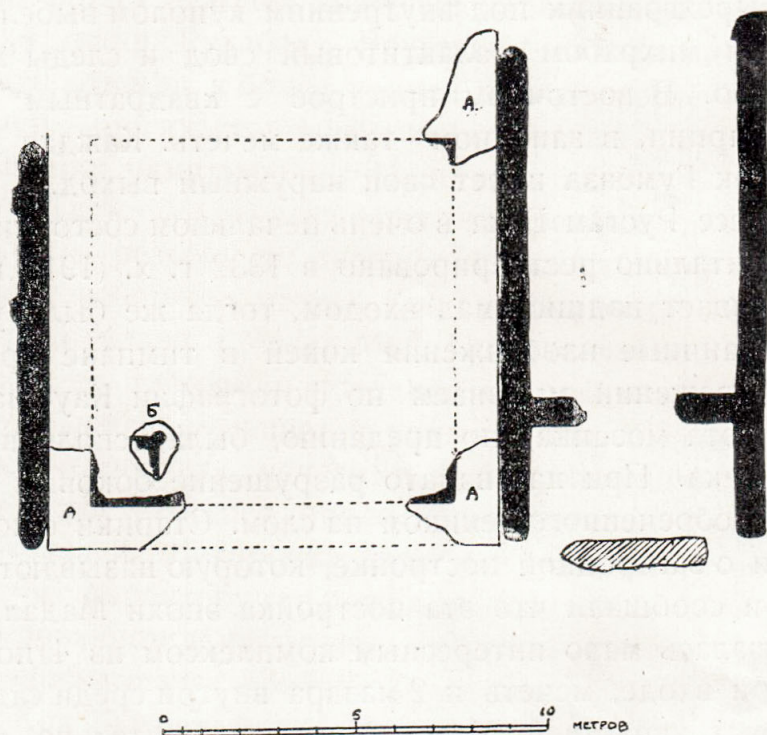
писи (белая надпись по синему фону; рама черная с белым; есть остатки и желтой поливы). Барабан покоится на четырехграннике со скошенными углами; на каждой стороне четырехгранника по окну; окно на главном пиштаке заложено. В плане Кок Гумбаз представляет вытянутую в продольном направлении постройку, состоящую из трех четырехгранников соединенных внутри дверями между собой. Большой четырехгранник под внутренним куполом выбелен. Над невысоким михрабом сталактитовый свод и следы мозаичного панно. В восточном пристрое с квадратным планом сложен кирпич, в западном—также мечеть. Каждая из трех частей Кок Гумбаза имеет свой наружный выход.

Медресе Рустам Бека в очень печальном состоянии. Оно было капитально реставрировано в 1332 г. х. (1913 г. н. э.), как указывает надпись над входом, тогда же были уничтожены мозаичные изображения коней в тимпане арки. Об этом изображении мы знаем по фотографии Кауфманского Альбома; эта мозаика, по преданию, была исполнена в начале 19 века. При нас начато разрушение боковых частей медресе, обреченного целиком на слом. Старики с похвалой говорили о загородной постройке, которую называют «Иски Мазор» и сообщали что эта постройка эпохи Мадали Хана. Она оказалась мало интересным комплексом из 4 построек: мазар при входе, мечеть и 2 мазара внутри среди сада мощных старых карагачей. Мазар Муг, исключительно красиво расположенный на господствующей над городом горе, в настоящем своем виде представляет совсем недавнюю постройку (вероятно не древнее середины 19 века), но хранит воспоминание об очень отдаленной—до-мусульманской эпохе (Мазар Муг—это мазар магов, т.-е. зороастрийцев.).

Интересна в Ура Тюбе резьба деревянных дверей своеобразного местного характера. В Медресе Рустам Бек отметим 3 резные двери: при главном входе и внутри медресе при входе в мечеть. Одна из последних носит дату 1295 г. х. (1877 г. н. э.). Небезинтересна также резная дверь при входе в «Иски-Мазар».

Материалы экспедиции экспонированы на выставке, открытой 29 апреля 1928 года ⁵⁾ На ней отметим прежде всего вспомогательный материал: карты Средней Азии и термезского района; затем результаты изучения архитектуры Тер-

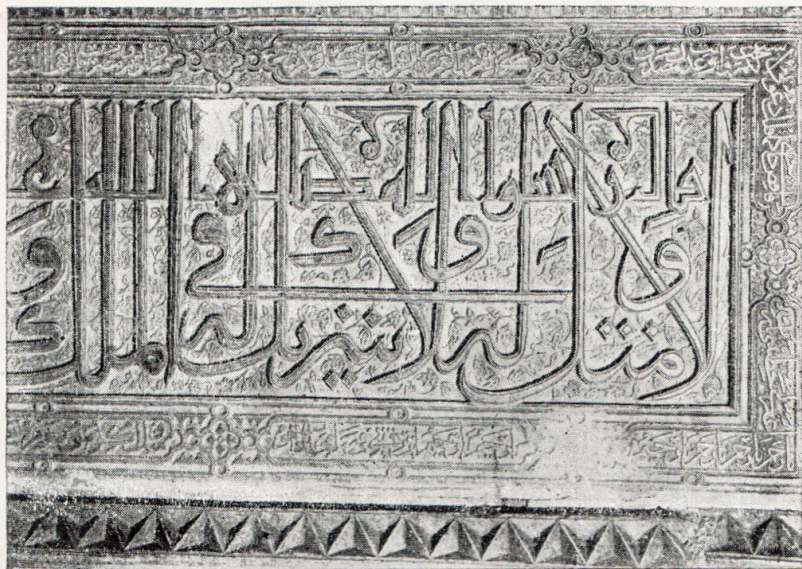
меза: планы Кырк-Кыза, Султан Саадат, мечети и мавзолея Хаким аль Термези, минаретов (термезского и джаркурганского), Зурмалы, здания № 1 (рис. 2), ситуационный план «четыреугольника с сырцовыми стенами»; далее фотоувеличения с памятников архитектуры (в количестве 51 №) по снимкам Б. Н. Засыпкина и П. Е. Корнилова, отливки с эстампажей гипсовой резной декорации здания № 1 и деталей



2. План здания № 1.

гробницы Аль Термези (рис. 3). Экспонирован ряд архитектурных фрагментов из известняка (в количестве 21 №) и два фрагмента буддийских статуй из того же материала. Далее мы видим на выставке образцы керамики, характеризующие отдельные районы древнего Термеза. Характерную группу представляет керамика с Чингиз Тепе—из района, где был найден фрагмент статуи Будды. Это керамика с красной окраской и красным лощением. Черепки собранные в районе крепости—в восточной части древнего Термеза—имеют сходство с керамикой «саманидского» типа Афроснаба, но более грубой работы. Наконец особую группу представляет керамика из привокзального района, главным образом светло-синей и голубой поливы тимуридского типа; среди фрагмен-

тов керамики обломок подставки для обжига посуды, что свидетельствует о существовании там местного керамического производства—гончарных заводов. Заслуживает быть отмеченной найденная близ здания № 1, единственная пока среди термезских находок терракотовая статуэтка в виде человеческой полуфигуры с деформированным лицом. Выставлены также фрагменты поливной майолики, отвалившиеся с главного пиштака мавзолея Султан Саадат (рис. 4). Частью это шестиугольные плитки с черной, голубой, темно-

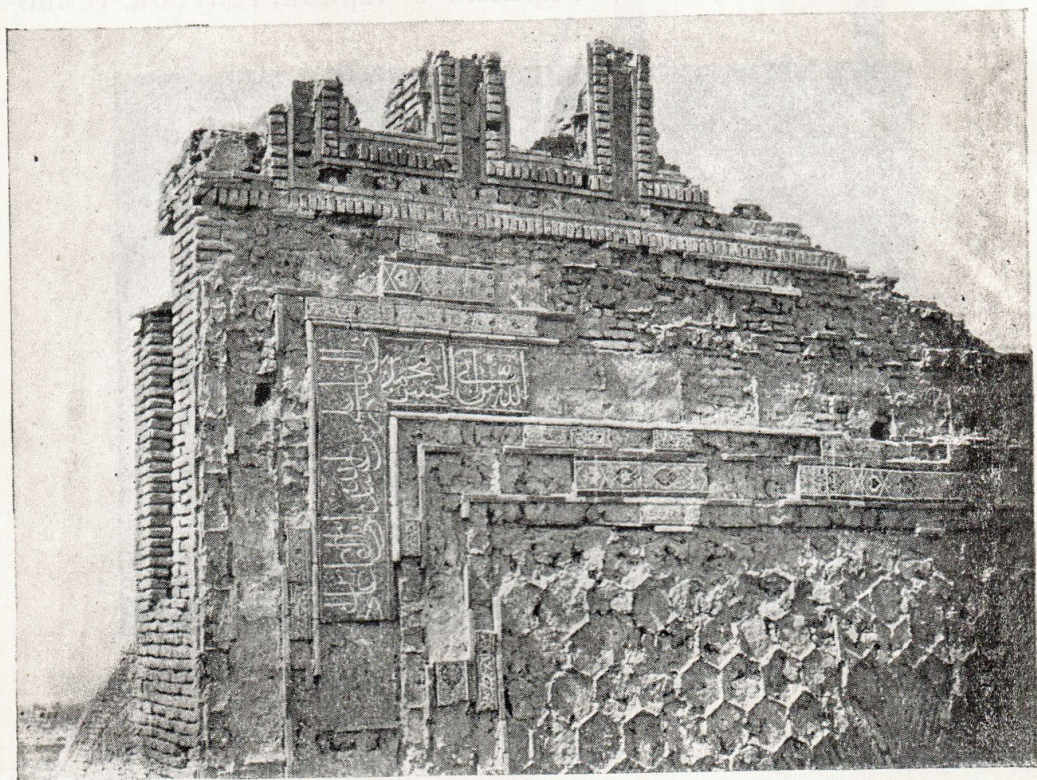


3. Гробница Хакими Аль Термези. Деталь.

синей и опалово-белой поливой, частью эти узкие полосы мозаики из темносиних кусков в сочетании с половинками шестиконечных звезд с росписью светло-красной и синей краской по белому фону. По родству с некоторыми типами майолики из Шах—и—Зинда в Самарканде термезская майолика может быть датирована рубежом 14—15 в.

Особый отдел на выставке занимает резная гипсовая декорация из здания № 1. Кроме зарисовок и фотографий с оставшейся *in situ* резной декорации стен, выставлено до 50 фрагментов, найденных при археологической разведке и происходящих главным образом из верхней части здания⁶). Особенный интерес представляет часть резной колонны с коранической надписью почерком насх (диаметр около 40 см.) Если согласиться с утверждением Герцфельда, что надписи

почерком насх не встречаются в памятниках раньше 11 века н. э., то надпись этим почерком на колонне не позволяет датировать всю декорацию ранее, чем 11 веком. Отметим еще среди фрагментов в высшей степени интересную резную капитель, верхняя часть которой украшена мотивом сосочков, встречающимся еще в сасанидском искусстве (рис. 5). Выставлены также части сталактитов и детали с криволинейной резной поверхностью. Преобладает сильно стилизованный



4. Султан Саадат. Верхняя часть облицованного майоликой портала.

растительный орнамент, но наряду с ним встречается и геометрический. Среди выставленных деталей преобладают фрагменты из верхних частей здания; есть два фрагмента и стеной декорации (мотивы № 2 и № 3—рис. 6—по нашему обозначению). Раскрытая нами резная декорация стен слагается из расположенных одна над другой орнаментированных полос. Всего в декорации стен насчитывается шесть мотивов орнаментации: 4 мотива на южной стене; на других стенах повторяются некоторые из мотивов южной стены, а также встречаются новые — один на южной стене внутренней части здания и один на восточной внутренней (рис. 7). От верхней композиции

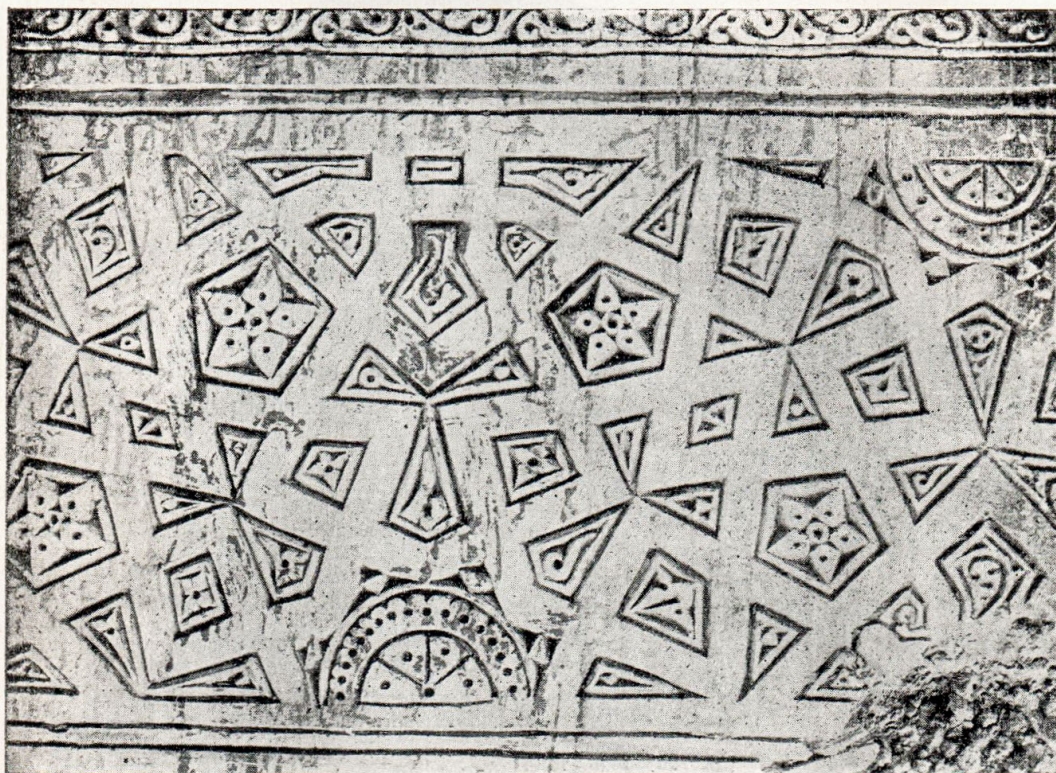
южной стены (мотив № 1) сохранилось лишь два орнаментальных элемента, причем один в небольшом фрагменте. Более сохранившаяся часть состоит из сочетания сильно стилизованных стеблей, сгруппированных по сторонам сердцевидного изображения в верхней части. Ниже узкая полоса с мотивом побега (мотив № 2). Еще ниже расположен более широкий



5. Резная капитель в здании № 1.

пояс (мотив № 3), заключающий плетение лент, пересекающихся под острыми и тупыми углами, образуя треугольники, четырехугольники и пятиугольники. Внутри их стилизованные побеги, листья. Композицию объединяют опирающиеся на внешние горизонтальные рамы орнаментированные полукольца. Новым является расположенный в самом низу мотив № 4, представляющий собой ряд нишеобразных панно, обрамленных переплетающимися лентами. На южной стене внутренней части здания встречается видоизменение мотива № 3, обозначаемое нами, как мотив № 5. Это также плетение лент с орнаментальным заполнением, но здесь плоскости лент ограничены кривыми и образованная пересечением этих

кривых композиция ритмически повторяется. На восточной внутренней стене отметим совершенно новый орнаментальный мотив (№ 6), где основными элементами орнамента являются плетение двойных лент, образующих из шестиугольников крестообразную фигуру и заполняющие пространство между этими шестиугольниками тонко орнаментированные четырехугольники.



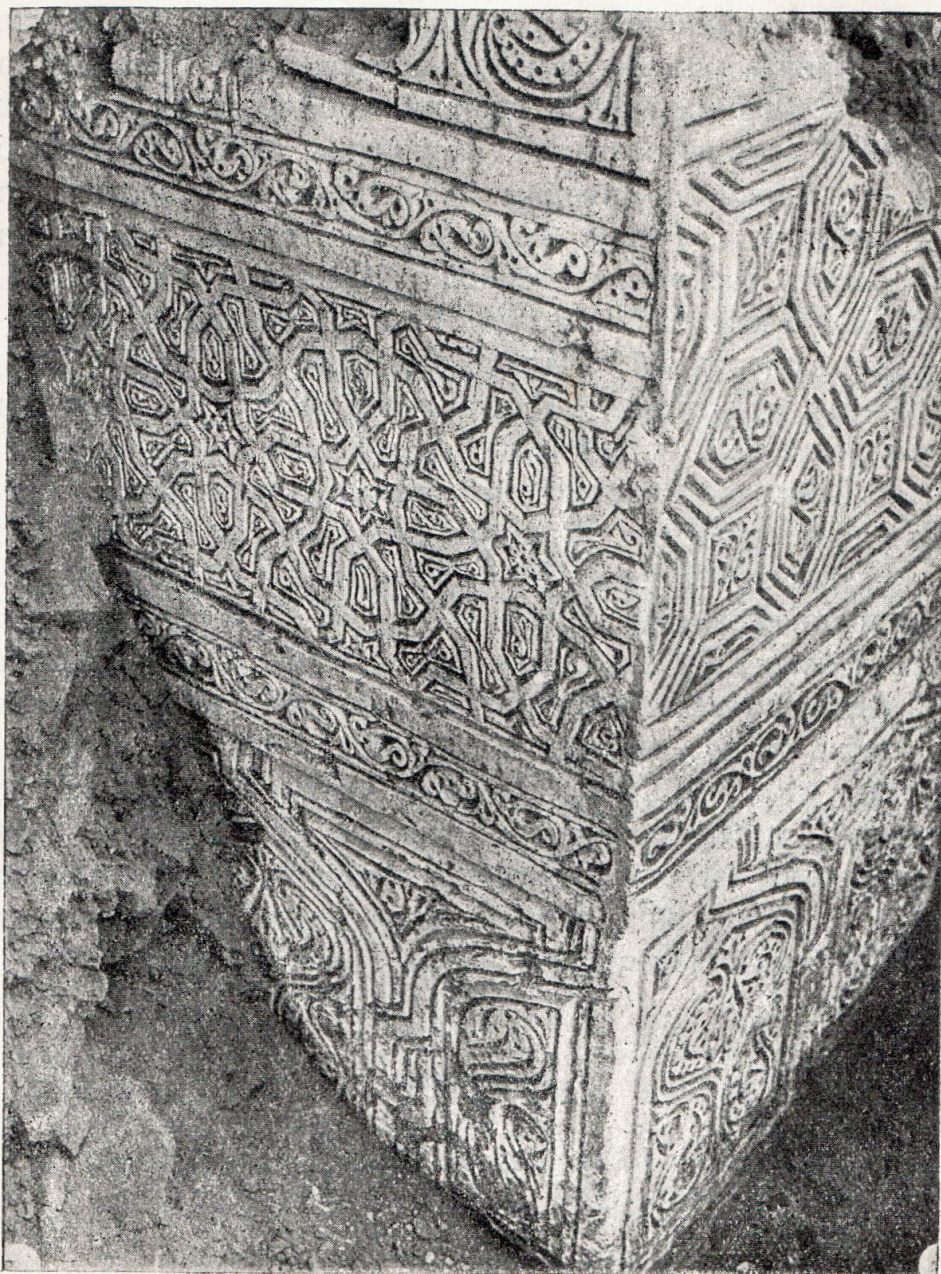
6. Резьба по гипсу в здании № 1. Мотив № 3.

Сравнительный анализ орнаментации ведет нас к рубежу 11—12 в.; но твердое установление датировки и окончательные выводы о художественном характере всей декорации возможны только после новой археологической кампании, раскрывающей памятник в целом⁷⁾.

Но и сейчас уже хочется отметить, что это отражение очень яркой большой художественной культуры. По художественному значению вновь открытая резкая штукатурная декорация может быть поставлена рядом с памятниками Самарры и Афрасиаба; на берегу Аму Дарьи цвела, очевидно, некогда художественная культура, крупного размаха заста-

вляющая вспоминать культурные центры Месопотамии и долины Зарявшана.

В заключение остановимся на задачах будущей третьей экспедиции Музея в Термез. В первую очередь должна быть



7. Резная гипсовая декорация здания № 1.

произведена топографическая с'емка местности, каковой работе в истекшем году положено лишь начало. Затем необходимо осуществить полное раскрытие стеной резьбы здания

№ 1, а также закончить обследования всего этого сооружения в целом. Желательно снятие гипсовых отливов со всей стеной резьбы. К дальнейшим задачам ближайшего будущего относятся продолжение изучения Кырк Кыз, археологические разведки внутри крепости и вокруг Зурмалы (получено принципиальное согласие проф. В. Л. Вяткина вновь принять участие в работе экспедиции). Наконец, должен быть расширен район работы: на очереди исследование анхорской группы развалин, Засурханья и обследование берега Аму-Дарьи до Айваджа. Из отдельных исследовательских работ по изучению архитектуры Термеза отметим необходимость раскрытия стеной декорации в мазаре Аль Термези и исследование замурованного помещения рядом⁸⁾.

Другой очередной задачей экспедиционной работы Музея Восточных Культур является изучения местностей также расположенных на Аму Дарье, но уже по нижнему ее течению — именно Хорезма. Доселе не изученные и скрытые в недрах земли до-мусульманские памятники материальной культуры и искусства хорезмийцев⁹⁾ должны, наконец, быть обнаружены и подвергнуты изучению, так же как памятники мусульманского Хорезма, доселе никем не изученные. Из архитектурных памятников мусульманской эпохи особенный интерес представляют минарет и мавзолей в Куня Ургенче.

Наша работа в Хорезме должна быть проведена в тесном единении с местными научно-общественными организациями с постоянной взаимной помощью Музея и местных краеведческих организаций в том же разрезе, как устанавливается общая работа с термезским краеведческим «кружком».



П Р И М Е Ч А Н И Я .

¹ Предварительный отчет об экспедиции напечатан в Сборнике Музея Восточных Культур за 1927 г. «Культура Востока».

² В состав экспедиции входили Б. П. Денике (руководитель), научные сотрудники Музея архитектор Б. Н. Засыпкин и А. С. Стрелков, ученый Секретарь Музейного Отдела Татарской ССР П. Е. Корнилов и представитель Средазкомстариса директор Самаркандского Музея проф. В. Л. Вяткин. Некоторое время при экспедиции работал студент-востоковед Ленинградского университета А. А. Некрасов. Последним собран для экспедиции под'емный керамический материал в Несе близ Ашхабада. О работе экспедиции см. «La Géographie», 1927 г. № 5—6. В Термезе работы экспедиции протекали между 12 и 28 сентября. Перед этим велась подготовительная работа в Самарканде. Общая продолжительность экспедиции была около 1¹/₂ месяца.

³ В. Л. Вяткина мы просили дать статью для настоящего «Сборника» об исторической топографии Термеза. Занятый неотложными историческими трудами, В. Л. не смог дать эту статью к выходу «Сборника». Надеемся, что маститый ученый поместит свою работу в одном из следующих наших Сборников.

⁴ Умер в Самарканде в 959 (1552) г. см. В. Л. Вяткин. Шейхи Джуи-бари с. 11 (Сборник в часть Бартольда. Т. 1927).

⁵ В устройстве выставки, организованной Отделом Советского Востока приняли участие проф. И. Н. Бороздин (заведующий Отделом), Б. П. Денике, Б. Н. Засыпкин, А. С. Стрелков, Е. В. Веймарн, Б. В. Веймарн, В. Н. Чепелев и Воронцов.

⁶ Ряд фрагментов этой резьбы по алебастровой штукатурке отправлен нами в Главный Среднеазиатский Музей в Ташкенте и в Самаркандский Музей.

⁷ О характере и значении этого памятника см. в наших статьях: «Резная штуктовая декорация в Термезе», печатающейся в «Трудах Института искусствознания и археологии», в. III и «Термез» в «Новом Востоке», № 22.

⁸ Оживляется исследовательская работа и среди термезцев. Нами получено от почтенного местного краеведа—заведующего Метереологической станцией в Термезе, Б. К. Лелонга сообщение, что в Термезе в связи с работами наших экспедиций пробудился интерес к прошлому города.

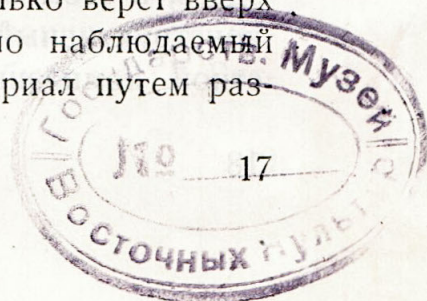
Организуется «Кружок» для изучения истории его и оставшихся памятников. Устанавливается связь с нашим Музеем, намечаются планы совместной работы. Несомненно, работа местного краеведного «Кружка» будет иметь большое значение для изучения и охраны ценных термезских памятников.

⁹ Задачи изучения материальных памятников Хорезма правильно поставлены в появившейся еще в 1911 г. статье К. А. Иностранцева: «О до-мусульманской культуре Хивинского Оазиса», где автор освещает письменные источники, касающиеся истории древнего Хорезма.

Б. Денике

Памятники архитектуры Термезского района

Памятники архитектуры древнего Термеза сохранились в виде руин древнейшей из обожженного кирпича калы. Здесь следует отметить круглые башни с чередующейся кладкой кирпича в наклонном положении, в виде монументальных двойных сырцевых стен из пахсы и сушеного кирпича, окружающих часть города к северу от калы, в виде более тонких стен с небольшими круглыми башнями, окаймляющих позднейшие части города и пригороды (рабады) и, наконец, в виде отдельных многочисленных развалин из сырцевого кирпича и весьма немногих из жженого. Обширная площадь древнейших развалин, растянулась до 5 километров и почти сплошь покрыта битым жженым кирпичем, свидетельствующим о том, что большинство построек было выполнено из него, что значительно отличает руины этого города от известных нам руин Афрасиаба, Мерва и Аннау. Во всей древней части сохранилось только два памятника из жженого кирпича: это ансамбль около мавзолея с гробницей Абу-Абдаллаха Мухаммеда, сына Алия Хакима Аль-Термези и минарет находящийся в месте пересечения Ширабадской дороги с частью северной стены ¹⁾. После разрушения города Чингиз-ханом в 1220 году, его стены и здания в течение многих веков служили местом добычи кирпича для строительных нужд местного населения и таким образом он подвергся общей участи городов покинутых жителями. Особенно сильно, по всей вероятности, это проявилось во время постройки после-монгольского Термеза, появившегося восточнее древнего, на несколько верст вверх по питавшим его арыкам. Этот повсеместно наблюдаемый нами обычай, добывать строительный материал путем раз-

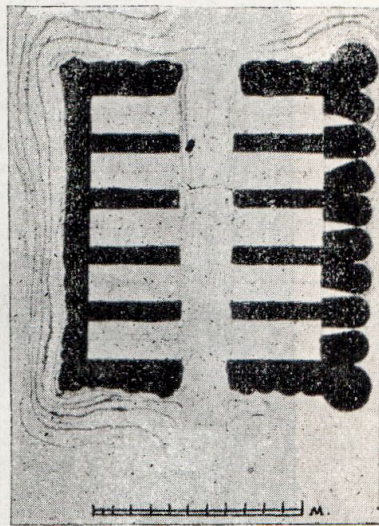


рушения древних архитектурных строений продолжается по сей день, являясь одним из весьма существенных разрушительных факторов, с которым надо бороться самым решительным образом. Так например, разобрана сводчатая постройка около минарета в Джар-Кургане, заснятая лет 25 тому назад В. Н. Кастальским, исчез совершенно мавзоль Авган-мазар, близ станции Термез, разобрана часть южных стен у Ханаки Султан-Саадата, заснятая экспедицией Музея Восточных Культур в 1926 году и т. д. В итоге остаются нетронутыми лишь особо почитаемые мазары, мечети и минареты, но стоит только и в них появиться склонности к мало-мальскому разрушению, как окрестные жители помогают этому собственными руками. Вот почему во всем Термезском районе мы видим остатки лишь сырцевых построек, среди которых памятники из жженого кирпича встречаются весьма редко.

Внутри расположения древнейших стен Термеза, местами сохранились сырцевые постройки, которые с большей долей вероятности можно отнести к до-монгольскому периоду. Отметим одно из них, находящееся по близости от Ширабадского минарета и осмотренное нами с В. Л. Вяткиным. Небольшое здание, прежде всего заинтересовывает своими северной и южной стенами, состоящими из ряда полуколонн и образующими поверхность, характеризованную В. А. Жуковским названием «гофрированной» при описании сырцевого здания в «Шехриярарке» и двух зданий именуемых «Кыз-Кала» в старом Мерве ²⁾. Прослеживание этого мотива в древнейшей архитектуре Средней Азии, приводит нас к определенной эволюции, которая может характеризоваться следующим образом. Появление этого приема в сырцевых зданиях объясняется конструктивным заданием, придать стене жесткость и устойчивость, в особенности в упомянутых грандиозных зданиях Мерва, имевших от 2-х до 3-х этажей. В архитектуре из жженого кирпича, наиболее древний пример этого приема, причем один из самых замечательных примеров мы имеем в гражданском здании XI века в Рабат—и Малике в 17 в. от г. Кермине ³⁾. Но здесь, в этом примечательном полусырцевом здании чисто конструктивный прием применен в декоративной трехчастной композиции, не теряя вместе с этим своего настоя-

шего значения. Далее мы наблюдаем его применение в круглых башенных мавзолеях Хоросана; в мавзолее в Радкане близ Кучана и в мавзолее в Кишмаре ⁴⁾, где он, помимо опять таки конструктивного значения, разрабатывается, как весьма эффектный декоративный мотив. Но самое совершенное применение этого же мотива мы найдем в нижеописываемом минарете близ кишлака Джар-Кургана в 35 вер. от Термеза. Эволюция этого мотива на Средне-Азиатской почве, включая сюда и Хоросан, от утилитарно-примитивного в сырцевых стенах, до высших достижений джар-курганского памятника, является одним из тех местных своих, самобытных строительных приемов, рожденных исключительным применением в постройках кирпича, которые характеризуют стиль Средней Азии одного из периодов до-монгольской эпохи, как стиль имеющий самостоятельные черты.

Вернемся к рассмотрению неизвестных, скромных по размерам и сильно разрушенных руин. (см. рис. 8). Здание имело в плане абрис прямоугольника, размером 17.00 × 15.50 м., в середине которого с востока на запад шел широкий корридор, имевший по

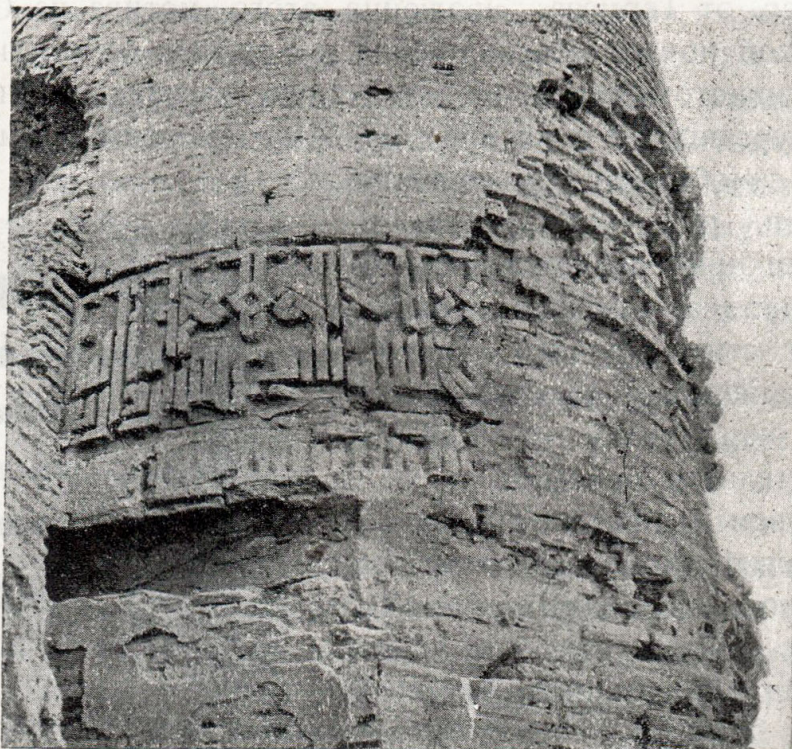


8. «Гофрированное» здание.

всей вероятности два входа по торцевым сторонам, а по другим двум располагались 5 хуждр (келий) шириною 1.90—2.14 м. в 2 этажа. Таким образом предположительно можно сказать, что здание имело 20 комнат и, очевидно, являлось маленькой ханакой—общезитием или медресе, при бывшей здесь рядом мечети. Келии имели небольшие окна. Лучшее всего сохранилась северная стена с остатками монументальных полуколонн. Памятник любопытен в типологическом отношении. Ряд других сырцевых построек вблизи Калы остаются пока не обследованными.

Упомянутый выше минарет был исследован экспедицией Музея в 1926 году ⁵⁾. На этот раз исследования были несколько углублены. Произведен эскизный обмер и В. Л. Вят-

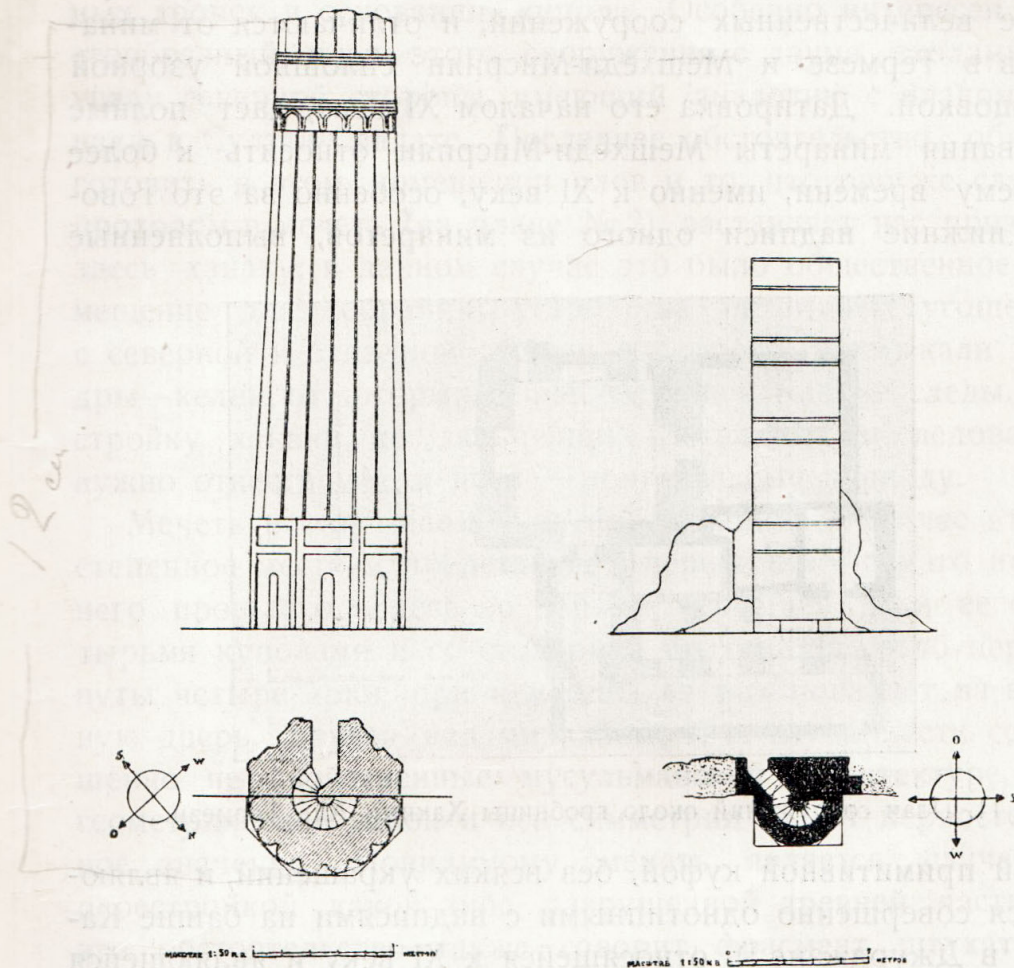
киным прочтена надпись в нижнем поясе с датой постройки 423 г. Х. (1031 г. н. э.) (рис. 9), так что из известных нам минаретов до монгольской эпохи этот будет наиболее древним и точно датированным. В дополнение первого предварительного отчета, следует указать: минарет судя по плану и остаткам стены не стоял самостоятельно, а примыкал



9. Термез. Минарет. Деталь надписи.

к зданию, повидимому, мечети. На фотографии этого минарета Б. Н. Кастальского (Самарканд), выполненной около 1900 г. видны руины стен, среди которых выделяется небольшое купольное сооружение. Купол покоится на четырех стрельчатых арках, а арки—на 4 круглых кирпичных столбах-колоннах. Пока это единственный, весьма важный, пример применения этого приема в архитектуре Средней Азии. Все эти руины говорят о каком то здании или ансамбле, существовавшем около минарета. В нижней части основание было квадратное; с северной стороны вплоть до круглой части, основание было в виде гладкой стены, с южной стороны квадратная часть переходила в восьмигранную и далее цилиндрическую. Минарет сохранил 4 пояса с над-

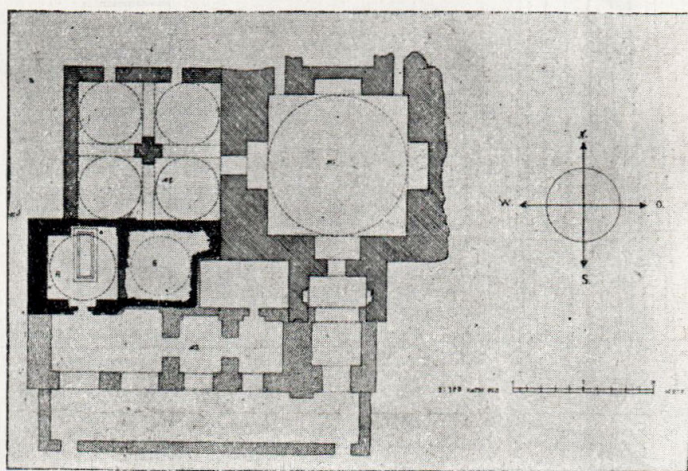
писями, выполненными куфой с заполнением фона, плетеными фигурами; весьма интересна кладка из кирпича «в разбежку», дающая интересную фактуру и облицовки оживляющая слишком геометрическую форму; (план—рис. 10). Кирпич размером $22,5 \times 23 \times 3,5$ сантиметра; кладка на алебастре.



10. План термезского и жаркурганского минаретов.

характеризуется размером: 10 рядов + 10 швов = 0,49 м. Сохранившаяся высота от края верхнего пояса 13,30 м. С северной стороны имеется вход на винтовую лестницу шириной 0,58—0,52 м., имеющей ход против часовой стрелки. По технике выполнения кладки облицовки и приемам орнамента минарет ближе всего к минаретам Мешхеди-Мисриян (развалины Дехистана), относимых к последнему времени до монгольского периода и известных нам по фотографич. снимкам Б. Н. Кастальского. Но эти минареты имеют довольно сильно выраженную коническую форму, которой у

минарета в Термезе нет. По форме и по композиции поясов с надписями ближе всего к нему минарет в Савехе ⁶⁾, относящийся к эпохе Газневидов. Минареты эпохи Караханидов в Узгенте, Башня Бурана, Минарет в Бухаре, законченный постройкой при Арслан-Хане в 1127 году, являют примеры более величественных сооружений, и отличаются от минаретов в Термезе и Мешхеди-Мисриян сплошной узорной облицовкой. Датировка его началом XI века, дает полные основания минареты Мешхеди-Мисриян относить к более раннему времени, именно к XI веку, особенно за это говорят нижние надписи одного из минаретов, выполненные



11. План сооружений около гробницы Хакими Аль Термези.

самой примитивной куфой, без всяких украшений, и являющихся совершенно однотипными с надписями на башне Кабуса в Джурджане ⁷⁾, относящейся к XI веку и являющейся самым древним мусульманским датированным памятником по территории современной Персии. Минарет в Термезе 1031 г. пока является самым древним датированным памятником на территории современной Средней Азии.

Другой сохранившийся в стенах древнего Термеза памятник из обожженного кирпича, представляет в настоящее время группу зданий разных эпох, обстроившихся около гробницы Хакима эль Термези (рис. 11). В дополнение к исследованиям 1926 года, опубликованным в «Культуре Востока» выпуск I, в 1927 г. нам удалось произвести эскизные обмеры плана и несколько углубить исследования орнамента. Под большим куполом находится помещение № 1,

где происходит приготовление плова и трапезы. В этом помещении, в настоящее время сильно закопченным, следует отметить тропы, выполненные кладкой «в елку», которая также имеется в нижеописываемом мавзолее № 2 в Султан-Саадате, и, кроме этого трехлопастную форму декоративных арочек в основании купола. Особенно интересен крестообразный план этого сооружения с двумя входами по углам северной стороны, имеющий аналогию с планом ханаки в Султан-Саадате. Последнее обстоятельство, обычай готовить в этом помещении плов и то, что оно же служит проходом в мечеть (на плане № 2), заставляет нас признать здесь ханаку; в данном случае это было общественное помещение для собраний, устройства пятничных угощений, с северной и западной стороны которого примыкали хуждры—келии, от которых сейчас остались жалкие следы. Постройку ханаки, до дальнейших детальных исследований, нужно отнести уже к после—монгольскому периоду.

Мечеть в описываемом ансамбле занимает сейчас второстепенное место и представляет перестройку самого недавнего прошлого. Здесь во первых необычен план ее с четырьмя куполами и со столбом в центре. На столб перекинуты четыре арки, при чем одна из них попадает на входную дверь, другая над михрабом, т. е. случайности совершенно не свойственные мусульманской архитектуре, где геометрический закон и оси симметрии имеют первостепенное значение. Повидимому мечеть является случайной перестройкой какой либо разрушенной древней части. За это обстоятельство также говорит фрагмент штукатурки с орнаментальной резьбой⁸⁾ по сводчатой поверхности. При раскопках 1927 г. в здании № 1 в восточной части стен древнего Термеза, была вскрыта часть коридора, перекрытого сводом, имевшего приблизительно те же размеры и аналогичную декорацию. Несомненно, что фрагмент в мечети является одной из древнейших частей всего ансамбля и есть остаток декорации или свода или арки, и в общем никак не увязывается с планом новейшей мечети, но повидимому мог быть одновременным с помещением «А», где стоит мраморное надгробие.

В помещение, которое может быть названо мавзолеем, в настоящее время попадают через небольшую дверь с юж-

ной стороны. Этот вход помещается в галлерее из 5 арок и украшен рамкой из алебастровых плит, выполненных путем отливки из одной формы. Эту декорацию по технике исполнения надо считать позднейшей. Помещение «А» представляет самую интересную часть всего ансамбля и, очевидно, самую древнюю около которой вырос весь ансамбль. Оно представляет прямоугольник близкий к квадрату, перекрытый куполом при помощи сталактитовых тропов. В северной стене имеется ниша арка, размещающаяся ближе к восточному углу, в восточной стене имеются следы заложной арки. Все внутренние части покрыты многослойной штукатуркой, на самой нижней еще в 1926 году экспедиция обнаружила орнаментальную резьбу⁹⁾. Раскрытие несколько больших размеров участка старой штукатурки позволило определить, что орнаментация сделана не по терракоте¹⁰⁾, а по алебастровой штукатурке. Есть основание предполагать, что орнаментация покрывала и другие стены этого помещения, и возможно и сталактиты. Во всяком случае в плане дальнейших работ Музея Восточных Культур в Термезе, стоит самое детальное изучение этого интересного ансамбля, его древнейших частей и возможное раскрытие их. Например: при обмерах обнаружено, что купольное помещение «Б», замуровано и для осмотра в настоящее время недоступно; с другой стороны расположение древнейших частей, как аркатуры и не обследованность галлерей № 3, ставят ряд вопросов о первоначальной форме здания. Здесь мы должны высказать наше предположение о том, что не имеем ли мы здесь в древнейших частях остатки соборной мечети древнего Термеза и именно ее галлерей? Оставляя разрешение этого вопроса до дальнейших исследований, следует все же заметить, что местоположение всего ансамбля близ калы, говорит в пользу этого предположения. Все это настойчиво говорит нам об углублении исследований, т. к. здесь могут быть еще открыты фрагменты одного из древнейших зданий Термеза.

При обследовании и глазомерной съемке восточной части древнего Термеза 25 сентября 1927 г., В. А. Вяткиным и автором этих строк было обнаружено здание, условно обозначенное № 1, с орнаментальной резьбой по алебастровой штукатурке. Руины этого здания расположены среди других

руин, заключенных в неправильный четырехугольник, огражденный со всех сторон глинобитными стенами с круглыми башнями. Южная часть этих стен почти не сохранилась. Лучше всего сохранилась восточная сторона и часть западной с монументальными воротами. Заключенные внутри стен руины зданий из сырцового кирпича имеют некоторую связь и, повидимому, представляли комплекс объединенных зданий, имевших общий въезд, общий двор и общие сады. Назначение этого ансамбля остается пока не определенным, но окружение его замкнутыми стенами с одними воротами указывает не только на общественное значение, например, типа монастыря, но, повидимому, на более важное; он мог быть местом загородного дворца. Около здания № 1 на поверхности земли было найдено несколько кусков штукатурки с орнаментацией, а на южной стене с внутренней стороны из земли виднелись части, сохранившие на стенах штукатурку с резьбой: это место — юго-восточный угол — и было главным пунктом обследования. Были произведены раскопки, вернее, расчистки от строительного мусора части южной стены, давшей весьма интересные результаты в смысле открытия исключительной по богатству резной орнаментации. Траншея в этом углу показала нам конец южной стены и поворот ее под 45° в восточном направлении. Расширение траншеи указало нам другой угол (внешний) и выяснило, что мы попали в угол коридора. Траншеи на глубину 0,50—1,00 м. в северо-восточном углу и северо-западном, указали нам направление коридора и его повороты и, кроме этого, выяснили три угла внутреннего квадрата, который охватывается коридором, шириной 1.07 — 1.16 м. с трех сторон. С четвертой стороны границы внутреннего квадрата также выяснены, но ширина коридора здесь значительно шире, определить точно размеры пока не удалось, но, во всяком случае, установлено, что эта ширина не менее 2.50 м., т. е. почти в три раза шире коридора с других сторон. Размер квадрата определился $9,35 \times 9,45$ м.

Для выяснения внутренней конфигурации помещения, заключенного в указанном квадрате, нами была сделана небольшая траншея по диагонали от юго-восточного угла квадрата. Здесь, в расстоянии 2.67 м., была обнаружена, стоящая на месте $\frac{3}{4}$ -ая колонна диаметром 0,34 м. и напра-

вление двух стенок, указывающих, что колонна стоит на внешнем углу, что для средне-азиатской архитектуры является необычным. Некоторое расширение траншеи юго-восточного угла к северу, дало нам, в расстоянии 2,29 м., начало какого-то проема. Вот все, что могла археологическая разведка выяснить в смысле конфигурации плана. В дополнение к этому следует еще добавить, что сохранившиеся стены, южная и северная, для конфигурации плана ничего дополнительного не дают. В обозначение «здание № 1», мы включили также примыкающее с севера помещение, сохранившее, кроме южной и северной стены, одну из восточных с проемом в середине. Разведок нами в этом помещении произведено не было. Руины стен здания № 1, очевидно, были неразрывно связаны с другими постройками, от которых на поверхности остались незначительные следы. Южная стена сохранилась на высоту от откопанного пола до 8.60 метров и указывает нам на существование двух этажей, при чем вполне ясно устанавливается это для коридора, но была ли центральная часть во 2-м этаже, этого заключить пока нельзя. Повидимому, она была в один этаж, судя по богатой отделке колоннами, наличия фрагментов сталактитов и др. Центральная купольная часть была окружена, для трех сторон это установлено, коридором в два этажа. Высота коридора в юго-восточном углу, имевшего перекрытие почти плоским сводом, было приблизительно 2,72 метров, в других местах коридор был немного ниже и перекрыт сводом другой формы. Описание сохранившейся на стенах орнаментации дается в статье Б. П. Денике, мы несколько остановимся лишь на описании характера архитектурных фрагментов, находимых при раскопках. Земля представляла из себя сплошь строительный мусор: жженный кирпич, куски кладки на алебастре, куски штукатурки с резной орнаментацией, из которых наиболее характерные были отправлены в Москву в Музей Восточных Культур, и один ящик в Средне-Азиатский Музей в Ташкенте, и некоторое количество в Самаркандский Музей. Среди фрагментов найдено много таких мотивов, которые не обнаружены среди сохранившихся и, по всей вероятности, они относятся к центральной, еще не откопанной части и ко 2-му этажу коридора. Среди фрагментов следует отметить присутствие: резных капителей от колонн, куски резных

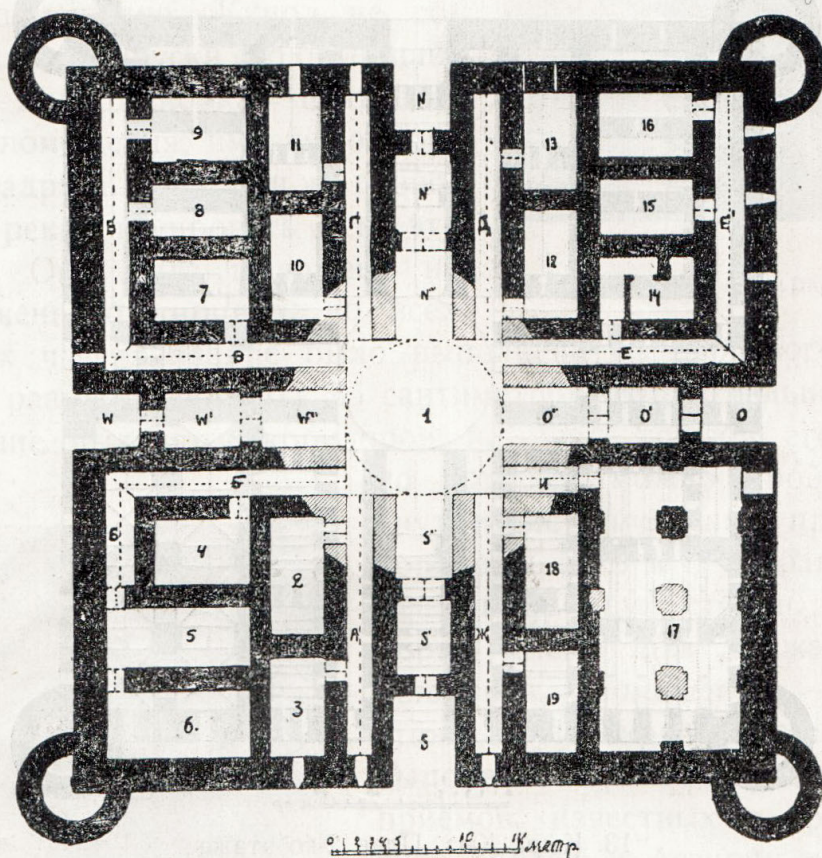
крупных сталактитов, части штукатурки со сводов с очень глубокой и тонкой резьбой и др. Все эти фрагменты, правда, пока еще в неопределенных формах, реконструируют нам здание, имевшего довольно не обычный план, богатейшую орнаментальную резьбу, прекрасные резные колонны, капители, системы сталактитов и т. д. В целом здание, подобного которому в Средней Азии, аналогий пока нет. На основании произведенных исследований, выясняется техника постройки. Основные его стены были сложены из сырцевого кирпича на глине. Снаружи и внутри они имели облицовку жженым кирпичем, при чем и там и там для узорной кладки употреблялся тесанный кирпич: от наружной облицовки найден кусок кирпича, вытесанный в форме буквы «З». Из внутренних частей особенное внимание следует обратить на резные колонны, которые первоначально были сделаны 8-ми гранными, при чем на некоторых гранях были высечены, так называемые «бантики». Это обстоятельство, подтверждающееся на других фрагментах, говорит нам за то, что здание первоначально не имело штукатурки, и, таким образом, стены здания нужно считать древнее резной орнаментации.

То, что здание мусульманское, подтверждается надписью на колонке почерком «несхи» религиозного содержания, который, отчасти, служит отправным пунктом для датировки всего памятника XI—XII в.в. Назначение здания пока так-же не определяется; вообще же оно является частью какого-то большого ансамбля. Другим датирующим обстоятельством—является облицовка тесанным кирпичем, аналогию которой мы находим в мавзолее Талхатан-баба ¹¹⁾, в мавзолее, именуемом «мечеть Ханапья в старом Мерве» ¹²⁾, в древнейших мавзолеях Султан Саадата № 1 и № 2 и др., но весь ряд этих, весьма близких друг к другу, памятников точно не датирован, что затрудняет разрешение вопроса, необходимого для эволюционной увязки различных эпох строительного искусства Средней Азии. Весьма интересным обещает быть план раскапываемого здания, в особенности прием окружения внутреннего квадрата коридором, который в мусульманской архитектуре до сих пор на сохранившихся памятниках был неизвестен. Сходный прием можно отметить в буддийских постройках, например: план монастыря

№ 7 в Сенгим-агызе, план монастыря № 9 там-же и план буддийского монастыря в местности Шикшин, Карашарского округа ¹³), а также постройки многих монастырей в Индии. Говорить здесь о полной тождественности не приходится, пока можно констатировать сходство в принципе планировки здания № 1 с планировкой буддийских построек, т. к. в других постройках этого приема не встречаем. Нет оснований говорить здесь о постройке здания № 1, как о буддийской, но, несомненно, устанавливается стык двух строительных культур и некоторое влияние буддийских построек на мусульманскую архитектуру. Все вопросы возможно разрешить при дальнейшем систематическом исследовании руин не только замкнутого четырехугольника, но и других районов древнего Термеза.

На этом заканчиваем обзор памятников внутри стен домонгольского периода. После - монгольский город переместился дальше от берегов Аму-Дарьи, по направлению к востоку, вверх по арыкам, вытекавшим из Сурханы. Этот город, повидимому, занимал более обширную площадь и по свидетельству Клавихо, «был город большой и очень населенный, он не был окружен никакой оградой, и вокруг него было много садов и воды» ¹⁴). От этого города в настоящее время сохранилось много руин сырцевых купольных зданий, типа мавзолеев. Обширность территории, отсутствие дорог, многочисленные широкие арыки, и сплошные, с каждым годом расширяющиеся, хлопковые плантации, чрезвычайно осложняют систематическое исследование этих руин, среди которых встречаются весьма интересные конструкции тропов, кладки сводов и т. д. Все эти памятники после-монгольского периода обречены на постепенное разрушение, т. к. нет ни средств, ни сил и даже способов, чтобы предотвратить их разрушение от стихийных явлений. Тем более выявляется насущность скорейшей и детальной фиксации сырцевых руин не только Термеза, но и таких городов, как Мерва, Аннау и др. Среди таких руин в Термезе выделяется совершенно исключительное, самое большое из сырца здание, именуемое «Кырк-кыз» (сорок дев), название ни с какой стороны не определяющее назначения здания. Этому памятнику в первом отчете посвящена статья покойного участника первой экспедиции в Термез В. В. Згуры, при

чем им делается заключение, на основании сравнительного анализа, что данный памятник является развалинами дворца. В экспедицию 1927 года нам удалось произвести архитектурные обмеры планов и разведку в центральной части здания и, кроме этого, довольно обильную фотофиксацию, что позволило нам углубить исследование и прийти несколько к другим предположениям относительно его назначения. За недостатком места мы не можем произвести даже подробное описание этого в высшей степени интересного здания,

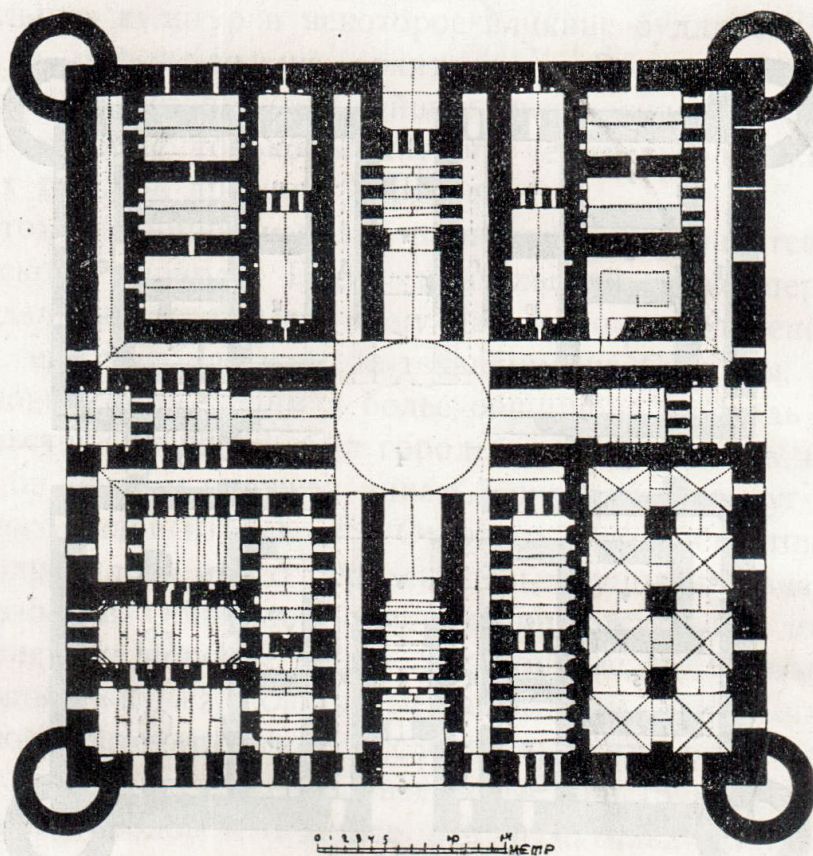


12. Кырк Кыз. План 1-го этажа.

сделать подробный анализ, и поэтому ограничиваемся некоторыми основными замечаниями, отметив, что в некоторых частях они будут расходиться с предварительным отчетом 1926 года.

Здание в плане (планы на рис. 12 и 13) имеет форму квадрата, по углам которого находятся глухие, без окон и дверей, башни, придающие памятнику вид крепости, форму, ставшую традиционной в мусульманской архитектуре. Такая компози-

ция применялась для построек крепостей, дворцов, караван-сараяв, в гражданской архитектуре; такой же формы придерживались постройки и культового значения: медресе, ханаки, мечети и др. В гражданской архитектуре угловые башни большей частью имели практическое, военное значение, в культовом — они играли исключительно декоративное, символическое значение, придавая зданию вид «духовной крепости». Декоративность башен Кырк-Кыза подчеркивается тем, что они даже по своей структуре являются пристроенными



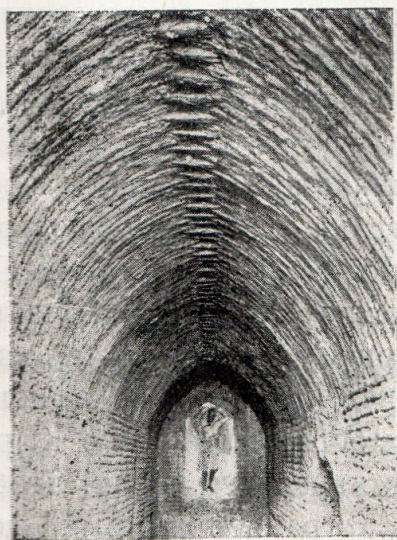
13. Кырк Кыз. План 2-го этажа.

к основным стенам и практически не использовались. С каждой стороны здания имелись входы (не везды), выраженные на глади стен нишами, имевшими арочные перекрытия, прием, получивший наивысшее выражение в грандиозном сооружении дворца в Ктезифоне и породивший затем одну из основных форм мусульманской архитектуры — пиштак (портал). Наружные ниши перекрыты древнейшей конструкцией — подпружными арками (рис. 14), кроме северной, которая покрыта аркой и коробовым сводом. В Кырк-Кызе мы

имеем этот прием в его древнейшей интерпретации. Главный фасад здания и главный вход обращены на юг. Четыре входа, ведущие в центральное помещение № 1, делятся на три части: первая — наружная, вторая — средняя и третья — внутренняя. Все внутренние части проходов, аналогично наружным, представляли из себя ниши, открытые во внутреннее купольное помещенис. Купол не сохранился, но куски его были найдены при раскопках центрального помещения, имевшего форму квадрата. Раскопки же позволили реконструировать всю эту часть. Она была выложена из обожженного кирпича, во всех других частях здание было выполнено из сырцевого кирпича, размером $30 \times 30 \times 5,5$ сантиметров. В центральное помещение выходят 8 коридоров, по два с каждой стороны,



14. Кырк Кыз. Арка.



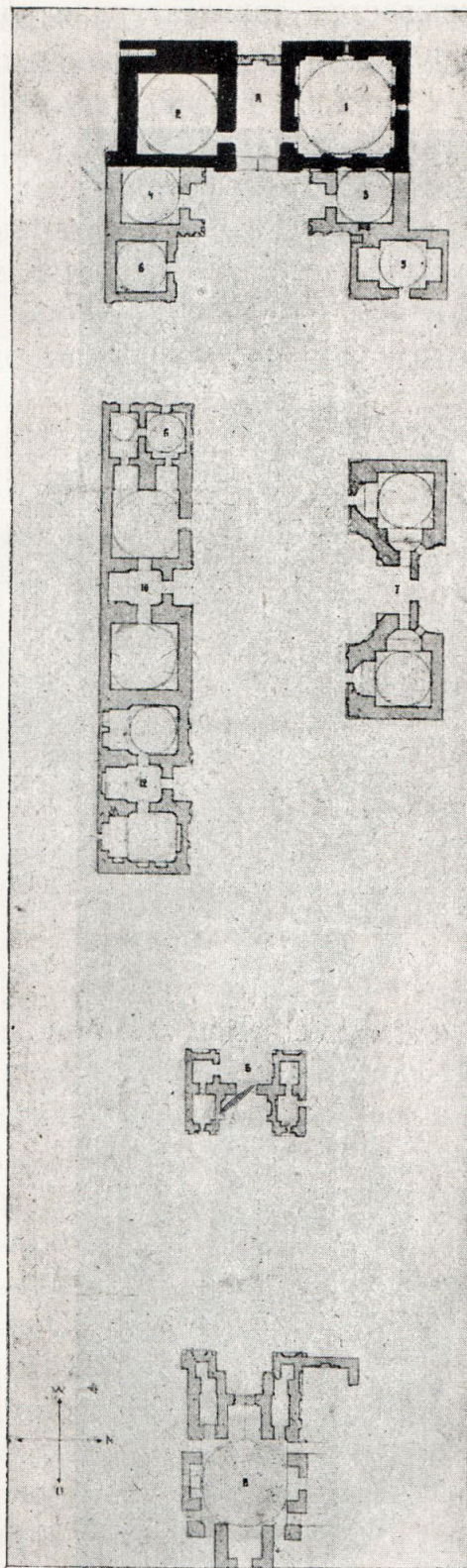
15. Кырк Кыз. Перекрытие коридора.

по которым можно пройти во внутренние помещения, при чем коридоры Б, В и Е огибают помещения с двух сторон. Коридоры имеют два этажа, все остальные помещения — одноэтажные. Перекрытие коридоров выполнено одним из древнейших приемов, известных в архитектуре Халдеи и Ассирии и представляет из себя стрельчатый коробовый свод, выложенный наклонными отрезками без помощи кружал из сушеного кирпича на глине. В замке свод имеет через один ряд перевязку горизонтально поставленным кирпичем (рис. 15). Точную аналогию этому своду мы имеем в Хорсабаде ¹⁵⁾. Среди мусульманских построек в Сред-

ней Азии—в Кырк-Кызе—он встречается впервые. Внутренние помещения представляют из себя род комнат и келий, кроме самого большого № 17, и резко делятся на две группы: 1) южная группа, примыкающая к главному фасаду; помещения имеют перекрытия подпружными арками и окна на уровне второго этажа, часть окон выходит на фасады, главным образом на южный, и часть во второй этаж коридоров, 2) северная группа состоит из девяти однообразных и близких по размерам келий, имеющих, либо слабое освещение небольшими окнами, либо совсем их не имеющие¹⁶). В последней же группе располагалась лестница на 2-ой этаж и очевидно на крышу (помещение № 14), в настоящее время сильно разрушенную. Из сравнения этих групп можно сделать заключение, что здесь мы имеем дело с обыкновенными полутемными келиями—хуждрами (северная группа) и более светлыми и архитектурно богаче выраженными помещениями, часть из которых (№ 2, 3, 4, 18, 19) по размерам одинакова с хуждрами северной половины и могла иметь то же назначение; другая часть более крупных помещений—зал. Из последних на первом месте нужно поставить зал № 17, имевший по середине три массивных столба и перекрытие сомкнутыми сводами, затем № 5, имеющий перекрытие конхами и далее самое светлое помещение № 6. Все эти помещения могли иметь общественное значение. Никаких признаков культового назначения как в них, так и вообще в Кырк-Кызе не обнаружено. Отделка внутренних стен, просто, глиняной смазкой, а в некоторых местах и без этого говорит нам о крайней простоте отделки помещений. Сравнивая с Ханаккой при Султан-Саадате, мы находим полную аналогию центральной части. При осмотре в натуре Ханаки при Султан-Саадате, найдены следы от сырцевых коридоров, выходящих в центральную купольную часть, таким же образом, как и в Кырк-Кызе. Это служит нам некоторым указанием на то, чтобы признать в Кырк-Кызе «Ханаку», странноприимный дом с общежитием и кельями. Нечто подобное этому было и в Хаким-Аль Термези именно помещение № 1, в настоящее время сильно разрушенное в боковых частях. Все это указывает на тип здания, который не был единичным, традиции его держались в Термезе, и в разное время проявлялись

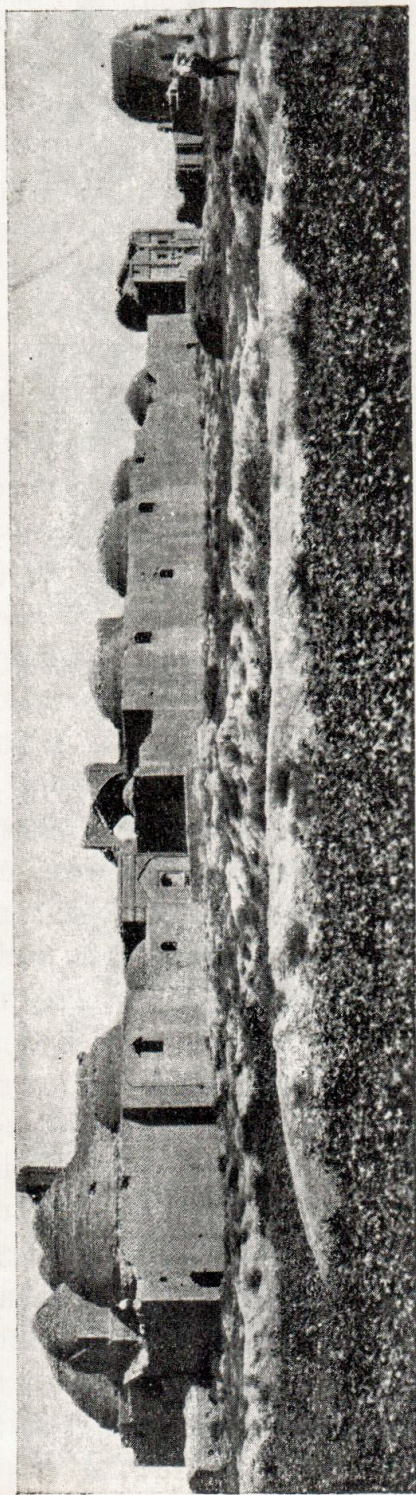
в различных архитектурных формах. Наиболее древним из них, повидимому, до-монгольским, является Кырк-Кыз. Среди окружающих Кырк-Кыз многочисленных купольных зданий из сырца не обнаружено ни одного, в котором были бы применены конструкции сходные с Кырк-Кызом.

Восточнее Кырк-Кыза и немного южнее, размещается обширный ансамбль, именуемый Султан-Саадат¹⁷), являющийся местом успокоения сейидов (потомков пророка), начиная от родоначальника Султана-Хусейна, погребенного в мавзолее № 1. Ряд мавзолеев в два ряда растянулся по направлению с запада на восток (план — рис. 16, общий вид — рис. 17). С восточной стороны внутренний двор-коридор замыкается воротами, против которых, через дорогу, помещается отдельно стоящее здание, сильно поврежденное временем, которое мы выше при описании Кырк-Кыза уже определили как «Ханаку» (рис. 18). Здесь жили шейхи и обслуживающий персонал и здесь находили приют и пищу паломники. Архитектурно-археологическим анализом определяется



16. Султан-Саадат. План.

некоторый хронологический порядок других построек и вскрывается архитектурная сущность как всего ансамбля, так и отдельных частей.



17. Султан-Саадаг. Общий вид.

Самым старым сооружением является здание № 1, где похоронен Султан-Хусейн. Памятник представлял из себя центрический мавзолей, имеющий внутри интересное архитектурное разрешение стен арками на колоннах. Подобные же колонны украшали главный фасад, обращенный на восток. Колонны и арки были выложены из тесанного кирпича с применением фигурных кирпичиков, и являют аналогию, как об этом уже упоминал Б. П. Денике, с мавзолеем в Талхатан-баба¹⁸). Через некоторое время был построен мавзолей № 2. Внутреннее помещение и купол этого здания меньше, чем в № 1, но для придания № 2 соответствия с № 1, западная стена сильно утолщена и в ней устроена лестница, и главный фасад (восточный) имел такие же размеры, как и № 1 и был шире самого мавзолея. Арка между ними, судя по технике кладки и облицовки, говорящая нам о XV веке, появилась значительно позднее, т. к. два первых мавзолея могут быть отнесены к до-монгольской эпохе. Та-

ким образом, исторически образовалась архитектурная композиция двух купольных мавзолеев с одним порталом, тип мавзолея нигде более не встречающийся, но получивший, дальнейшее применение в постройках мавзолеев № 10, 12 и 7 в Султан-Саадате. Мавзолеи № 3, 4, 5, 6 постепенно пристраивались к основной группе, при чем для постройки № 3, был обтесан фасад № 1, а для постройки № 4 — фасад № 2. Эти мавзолеи и все последующие мавзолеи облицовки не имеют и являют архитектуру XV (эпоха Тимуридов) XVI (эпоха Шейбанидов) и XVII в.в. и по своим внешним и внутренним



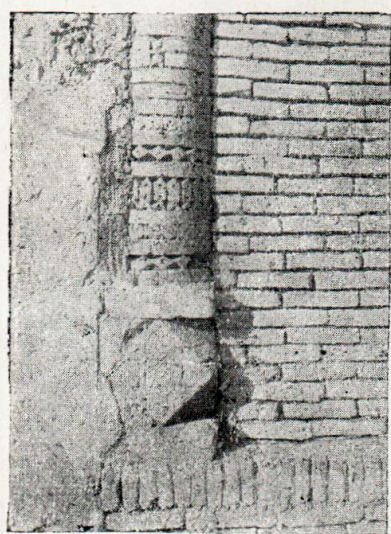
18. Здание против главного входа в Султан-Саадат.

архитектурным формам и декорациям представляют постепенное вырождение большого искусства в заурядное. Интересно отметить некоторое стилистическое сходство, в особенности в № 7, с постройками в Чаар-Бакре под Бухарой (XVI—XVII в.в.). Архитектура XVI—XVII в., хотя и сохранила изрядное количество памятников, до сих пор не подвергалась исследованию специалистов и поэтому говорить о значении среди них мавзолеев Султан-Саадата пока преждевременно. Между прочим, можно отметить, что в № 12 мы имеем пока единственный пример в Средней Азии сферического паруса на стрельчатых арках. В целом же весь ансамбль имеет большую ценность для изучения эволюции техники и архитектурных форм с XIII по XVII век.

На этом мы заканчиваем краткое описание работ по изучению архитектуры древнего Термеза. Две экспедиции

Музея Восточных Культур в этот отдаленный пункт нашего Союза, имеющий богатое историческое прошлое и имеющий, несомненно, большое будущее, уже наметили план конкретных работ, конкретные задачи, которые ждут своего постепенного решения.

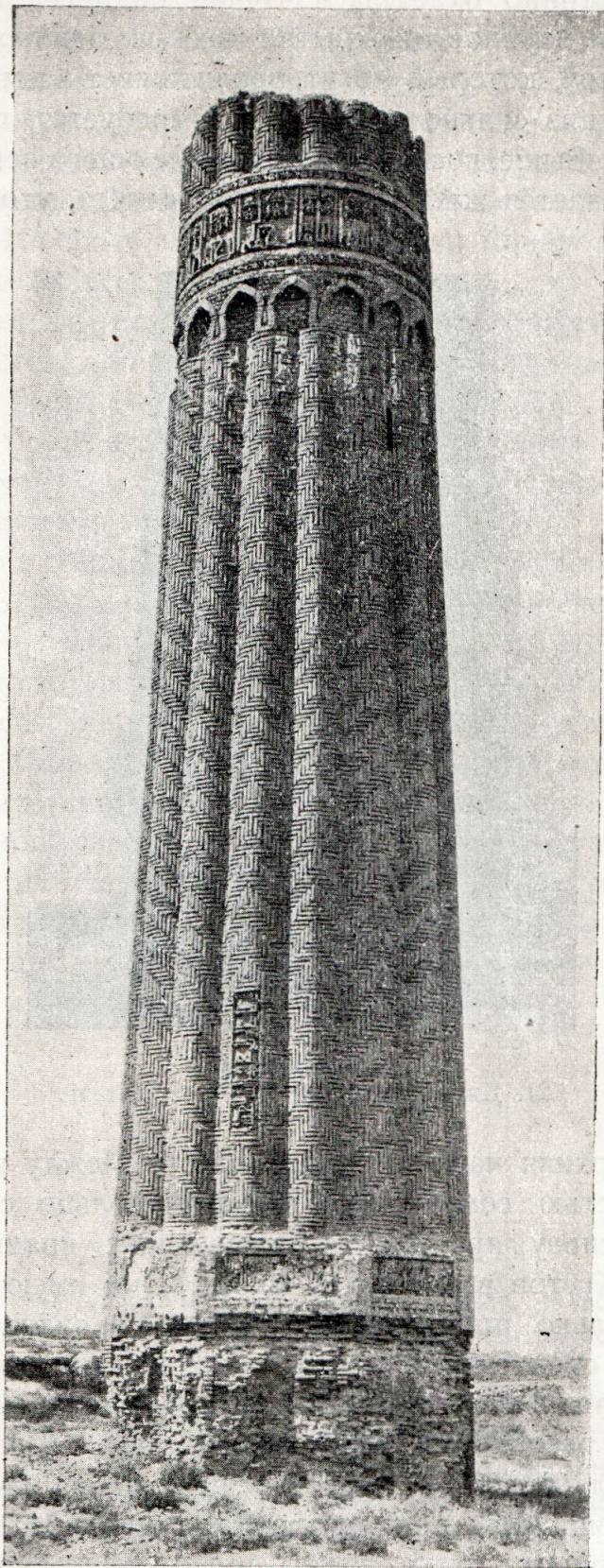
В заключение мы несколько остановимся на одном интересном памятнике около селения Джар-Курган в 35 верстах от Термеза. Минарет в Джар-Кургане (рис. 20) до сих пор был известен лишь по фотографии Б. Н. Кастальского, сделанной



19. Султан-Саадат. Деталь колонны.

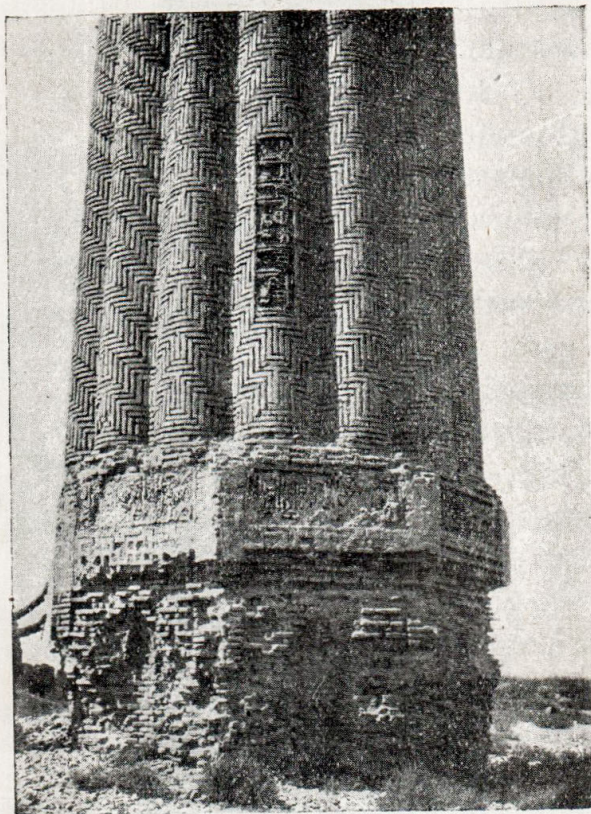
лет 25 тому назад. Впервые, обследование, обмеры и фотофиксация произведены экспедицией 1927 г. О селении Джар-Курган и о развалинах около него, в том числе и о минарете, исторических данных пока не имеем и единственное заключение можно сделать, что около Джар-Кургана мы имеем культурные следы пребывания здесь династии гуридов (12—13 в.в.), владевшей областями к северу от Аму-Дарьи, в том числе долиной Сурхана¹⁹). От всех руин (на снимке Б. Н. Кастальского видны руины сводчатого здания) в настоящее

время сохранился только прекрасной архитектуры стройный минарет, между прочим, требующий срочного укрепления. Минарет сложен из обожженного кирпича на алебастровом растворе. Вся узорчатая и орнаментальная облицовка выполнена из того же кирпича с применением фигурного тесанного. Минарет основан на восьмиграннике, нижняя часть которого в настоящее время закрыта землей. Каждая грань восьмигранника окаймлена рамкой, выложенной спаренными кирпичами и делится на две части: большая нижняя восьмигранная имеет в центре полукруглую нишу, на фоне решетчатого узора, выше — вторая часть: прямоугольное панно, в котором размещены куфические надписи из кирпича. Поверх они были заштукатурены и по чтению В. Л. Вяткина повторены резьбой по штукатурке. В настоящее время шту-



20. Джаркурганский минарет.

катурка частично отлетела и чтение надписей затруднено. Необходимо научное раскрытие весьма ценных исторических надписей, которые могут пролить свет в историю этого края. Весь низ сильно поврежден и требуется техническое укрепление. Выше восьмигранника, имеющего вертикальные стены, начинается жгутовый ствол минарета, утончающийся



21. Джаркурганский минарет. Деталь.

кверху. Верхняя часть не сохранилась. Между ней и цоколем полностью сохранилось поясное кольцо с надписью, имеющей снизу арочки, перекрывающие впадины между жгутами. Жгутов всего шестнадцать. Они имеют полукруглую, несколько приплюснутую, форму и являют в данном случае тот средне-азиатский прием, который мы описывали в начале нашей статьи и который в дальнейшем (вероятно гуридами, распространившими искусство Хоросана в Индию ²⁰⁾ был занесен в Дели и нашел яркое применение в постройке минарета при мечети Куввати-эль-Ислам (начало 13 века), при чем здесь жгуты имеют двугранную и полу-

круглую формы. Ближайшее сходство по технике выполнения, как это уже отмечалось Б. П. Денике, минарета в Джар-Кургане находим с мавзолеем в Радкане ²¹). Внутри минарета помещается винтовая кирпичная лестница, сильно стертая временем, ход которой имеет направление против часовой стрелки. Вход на лестницу находится в юго-западной грани. Никаких следов примыкания минарета к зданию нет, так что он всегда стоял изолировано.

На одном из жгутов в юго-восточной части помещена надпись мастера, из которой пока прочтены только первые слова: «Из работ Алия сына Мухаммеда». Вероятно при чтении этой надписи и других, после раскрытия, будет найдена дата постройки, пока же условно минарет можно датировать XII—XIII в.в. (рис. 21).

Наличие в Термезском районе таких памятников, как минарет 1031 г., минарет в Джар-Кургане, гробница Хакима эль-Термези, здания № 1, Кырк-Кыза и мавзолеев № 1 и № 2 в Султан-Саадате, говорит нам о наличии большого искусства, связанного непосредственно с искусством Средней Азии и Хоросана, но вместе с этим имевшего некоторые свои отличительные черты. Скудость исторических данных об этом районе, несомненно, будет пополнена при всестороннем и систематическом исследовании этого района и требует организации постоянных и длительных работ по изучению как надземных, так и находящихся под землей памятников материальной культуры.

П Р И М Е Ч А Н И Я.

¹ Сборник «Культура Востока», выпуск I. Изд. Музея Восточных Культур. Москва, 1927 г. Б. П. Денике. Экспедиция Музея Восточных Культур в Термез, стр. 14.

² В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва. 1894 г., стр. 121 и 165.

³ Сборник в честь В. В. Бартольда. Ташкент 1927 г. Статья И. И. Умнякова «Рабат-и-Малик», стр. 179—192. Этому же памятнику посвящена одна из глав статьи «Архитектурные памятники Средней Азии» Б. Н. Засыпкина, в сборнике Гос. Центр. Реставрационных Мастерских. «Вопросы реставрации», вып. II, 1928 г.

- ⁴ E. Diez. Churasanische Baudenkmäler. Berlin. 1928 г. Т. 6.
- ⁵ Культура Востока. в. I, стр. 16, рис. 5.
- ⁶ Стр. 173. La Perse, la Chaldée et la Susiane. J. Dieulafoy. Paris. 1887.
- ⁷ E. Diez. Churasanische Baudenkmäler. Т. 4.
- ⁸ Культура Востока, в. I, рис. 4.
- ⁹ Там же, рис. 3. Фотография, благодаря освещению, несколько искажает технику. Орнаментация кажется рельефной, в то время как она плоскостная и рисунок сделан путем выреза углублений трехгранной формы.
- ¹⁰ Там-же, стр. 14.
- ¹¹ В. А. Жуковский. Развалины старого Мерва, стр. 183, 184, 185.
- ¹² Там-же, стр. 153. Более детально мавзолей был обследован автором этой статьи в октябре 1927 г., когда были открыты фрагменты интересной наружной и внутренней облицовки, публикуемые в статье «Архитектурные памятники Средней Азии». Вопросы реставрации, вып. II. 1928.
- ¹³ Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 г. стр. 41, 42 и 5.
- ¹⁴ Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Сборник отд. Русского языка и словесности Академии Наук, Том XXVIII, № 1. стр. 228.
- ¹⁵ О. Шаузи. История архитектуры. I, стр. 79.
- ¹⁶ Перекрытия стрельчатыми коробовыми сводами имеют полную аналогию в одном зале дворца в Охейдире (Die Kunst des Islam H. Glück und E. Diez. стр. 148).
- ¹⁷ Впервые описание Султан-Саадата дано А. А. Семеновым в Протоколах Заседаний Туркестанского Кружка любителей археологии год XVIII. 1914 г.
- Очерк посвящен родословной Термезских Сейидов и дает краткое описание главным образом западной группы с майоликовым порталом. См. также отчет экспедиции 1926 г.
- ¹⁸ В. А. Жуковский. Развалины Старого Мерва, стр. 185.
- ¹⁹ В. В. Бартольд. Таджики. стр. 102. Таджикистан. Сборник статей. Ташкент, 1925 г.
- ²⁰ В. В. Бартольд — «Восточно-Иранский вопрос». Известия ГАИМК. В. II, 1922 г. стр. 370.
- ²¹ См. прим. 4 настоящей статьи.

Б. З а с ы п к и н.

Доисламские памятники Древнего Термеза

Работы экспедиции 1926 года в районах расположения городищ древнего Термеза позволили установить, что лишь один из сохранившихся надземных памятников—так называемая Зурмала или Катта-тюпе может быть отнесен к доисламскому времени, являясь буддийским ступа¹⁾. Никаких других памятников материальной культуры домусульманского периода первой экспедиции обнаружить не удалось, равно как и приблизительно наметить местоположение преисламского города, хотя и было высказано предположение, что им был занят холм Чингиз тепе, доминирующий с севера над всей местностью по берегу Аму Дарьи. За это говорила и обычная система развития среднеазиатских городов, в которых более молодые части поселения располагаются вверх по течению реки. Находки второй экспедиции—1927 г.—почти что с уверенностью позволяют сказать, что холм Чингиз тепе был занят городом или во всяком случае частью города до арабского завоевания. На большей, по видимому естественного происхождения, площадке южного склона Чингиз тепе, среди кирпичей, служивших обкладкой для палаток бывшего здесь в довоенное время летнего офицерского лагеря, были обнаружены куски камня с обработанной поверхностью, фрагменты архитектурных деталей и часть небольшой статуи сидящего Будды. Здесь же были подняты фрагменты керамики из желто-красной глины, покрытые красной ангобовидной массой, украшенные местами шлифом, исполненным вернее всего камнем²⁾. Аналогичной керамики, очень близкой по типу черепка к поздне римской или византийской и восходящей к так называемой

terra sigillata, насколько нам известно, до сих пор в Туркестане не обнаружено. В пользу того, что означенные керамические фрагменты датируются доисламским временем говорит и форма ручек, среди которых встречаем витые, подражающие плетению и плоские повидимому очень небольшие, шедшие от горла к самой верхней, крайней части



22. Фрагмент статуи Будды. Музей Восточных культур.

тулова сосуда. На поверхности одного из черепков нам показалось что мы различаем тамгоподобную орнаментацию. Подобного же типа керамика была найдена у восточного угла каля и на ю. в. в. от него, где так же были обнаружены части баз колонн и пилястр и верхняя часть торса статуэттки Бодисатвы.

Материал всех найденных архитектурных деталей и фрагментов скульптуры одинаковый—мергелистый известняк³⁾. Материал этот почти с уверенностью можно сказать местного происхождения, так как куски аналогичного известняка с необделанной поверхностью были найдены у берега Аму

Дарьи в небольшом овраге, выходящем к реке за Чингиз тепе. Мягкая масса известняка позволяет давать тонкую профилировку особенно в мелких архитектурных деталях, которые, надо думать, служили архитектурным обрамлением рельефов, как это мы обычно встречаем в греко-буддийском искусстве. К подобного рода деталям относится часть базы полуколонники (инв. 1572 д. 0,11 мтр., ш. 0,075 мтр., в. 0,9 мтр.), в которой небольшой желобок, идущий вертикально в середине задней стороны фрагмента явно указывает на то, каким образом он прикреплялся к стене, украшением которой являлся. Среди фрагментов выделяется часть пьедестала, в виде лотоса (инв. 1578 д. 0,12 мтр., ш. 0,15 мтр., в. 0,075 мтр.) с двумя рядами опущенных вниз лепестков, служившая наверно постаментом стоящей фигуры Будды. Подобного рода пьедесталы хорошо представлены в буддийском искусстве Восточного Туркестана ⁴).

Оба найденные фрагмента буддийских скульптур, — часть статуи сидящего Будды (рис. 22) и верхняя часть торса статуэтки Бодисатвы, (рис. 23) — обнаруживают тот особый характер, который столь типичен для буддийской пластики, — горельеф переходящий в круглую скульптуру. От сидящей фигуры Будды (инв. 1550 в. 0,29 мтр.) сохранились правое плечо, часть (по локоть) правой протянутой вперед руки, правая нога правая часть туловища. Одежда лежит крупным круглящимися складками, у локтя она перекинута через поднятую руку. Снизу скульптура замыкается невысоким цоколем. Незначительная сохранившаяся часть этой сидящей фигуры Будды не позволяет дать полного анализа скульптуры, однако дает возможность судить об общем характере памятника. Даже немного уцелевшее говорит за то, что перед нами памятник созданный под непосредственным влиянием так называемого грекобуддийского искусства Гандхары. В пользу этого говорит и трактовка одежды и профилировка цоколя. Налицо одно из тех многочисленных

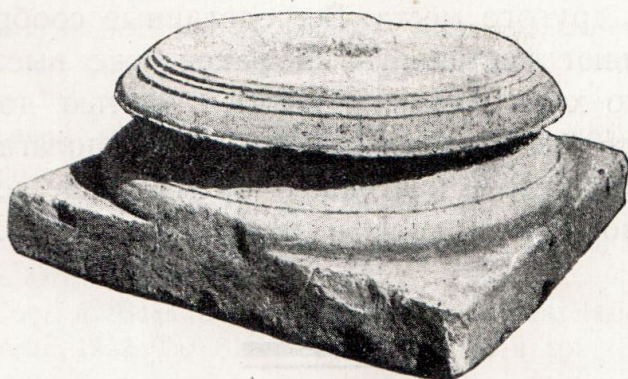


23. Фрагмент торса Бодисатвы. Музей В. К.

произведений одной из школ буддийского искусства, создавшихся под непосредственным воздействием эллинизированного Востока. Установить связь буддийских памятников Термеза с Гандхарой или вернее с той ветвью буддийского искусства памятники которой мы имеем в Бамиане, представляется преждевременным, хотя бы потому, что сами буддийские памятники современного Афганистана еще очень плохо или вовсе не изучены. За непосредственную связь с Гандхарой говорит материал—камень, совершенно или почти не встречающийся в восточном Туркестане, где, как известно скульптурным материалом служила исключительно лесовая глина. В фрагменте статуэтки Бодисатвы (инв. 1564. в. 0,095) сохранились правое плечо, нижняя часть шеи (до левого плеча), правая согнутая в локте, плотно прижатая к телу, рука с полуоткрытой обращенной кверху ладонью, держащей цветок лотоса. От груди уцелела лишь незначительная часть. На шее дано ожерелье украшенное спереди, в середине, розеткой. На оборотной стороне скульптуры совершенно плоской, между лопатками углубление,—это то место где фигура прикреплялась вернее всего к плоскости стены. На то что в данном фрагменте мы имеем дело с частью статуэтки Бодисатвы указывает ожерелье, характерный атрибут наряда индийского царевича, в виде которого обычно изображается Бодисатва нагой по пояс. (Сохранившаяся часть статуэтки таковой и дана). Не лишено возможности впрочем предположить что мы тут имеем дело с изображением *Devata*, очень близким с тем, как обычно изображается Бодисатва⁵). Неумелая, скорее неуклюжая передача согнутой в локте руки несоразмерно большая ладонь, заставляют думать что уменье мастера не шло дальше ремесленной посредственности особенности далеко не свойственное гандхарским скульпторам, где всетаки отголоски классических традиций сказываются в уменьи владеть ракурсом, в соблюдении пропорций. Видимо мы имеем дело с памятником школы, где варваризация античных традиций была весьма сильна. *Terminus ante quem* для обеих скульптур 589 г. год разрушения Термеза арабами. *Terminus post quem* не устанавливается в силу отсутствия материала, но все более и более выявляющийся ход развития буддийской

скульптуры в период раннего средневековья говорит о возможности датировать их 4—7 в.в. н. э. ⁶).

Лишь внимательная и тщательная работа над архитектурой, которую сохранили городища Гандхары, и Таксила в частности, позволит установить связь с найденными экспедицией архитектурными деталями. В настоящее время с уверенностью можно говорить о том, что на лицо памятники одного из позднейших проявлений восточно-эллинистического искусства. Очень близка к ним принадлежащая одному



24. База колонны. Термез. Частное владение.

из местных жителей, исполненная из аналогичного известняка, база колонны (рис. 24). База замыкается квадратным основанием при стороне в 0,96 метра и высоте 0,133 метра. Диаметр тела колонны был с. а. 0,75 м. Обмер гнезда даст $0,145 \times 0,15$ м. Диаметр основания 0,96 м. при общей высоте базы 0,41 м. По заверению владельца означенная база найдена возле Зурмалы, однако внимательный осмотр местности возле ступа не подтверждает этого, тогда как при обходе городища у юго-восточного угла каля обнаружена глубокая яма недавнего происхождения (возле которой и были найдены некоторые из привезенных архитектурных деталей), указывающая видимо на место, где была найдена база ⁷).

Главным моментом дальнейшей работы в Термезе в области доисламского искусства является отыскание того места, где находилось здание, вихара или сангхарама, из которого происходят найденные архитектурные детали и скульптуры. Осмотр городища последней экспедицией дает указание, что таковое было расположено в юго-западной части его

у юго-восточного угла крепости. Сначала могло возникнуть предположение, что памятники найденные на Чингиз тепе были занесены туда именно из этой части городища, однако это предположение опровергается во первых наличием вышеупомянутых фрагментов керамики из желто-красной глины, во вторых находкою на дне недавно вырытой (видимо кладовщиками) узкой ямы на восточном склоне Чингиз тепе, где была поднята капителька чисто гандхарского образца (инв. 1572 д. 0,085 мтр. шир. 0,003 мтр. в. 0,055), о которой очень трудно предположить, чтобы она была занесена из какого либо другого места. Все сделанные соображения все таки заставляют настаивать на ранее уже высказанном, — а именно что холм Чингиз тепе был частью доисламского города, тогда как один из монастырей располагается значительно дальше, где в настоящее время идет дорога мимо юго-восточного угла кая к мазару Хакими аль Термези

П Р И М Е Ч А Н И Я.

¹ См. «Культура Востока» сборник I. Москва 1927 г., стр. 27.

² Керамические фрагменты были осмотрены А. В. Филипповым, которому мы приносим свою искреннюю благодарность.

³ Определением материала архитектурных и скульптур мы обязаны П. П. Пилипенко, которому мы приносим глубокую благодарность.

⁴ Ср. M. Aurel Stein. *Ancient Khotan*. Oxford, 1917. Grünwedel, A. *Alt-buddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkestan*. Berlin, 1912. Sir Aurel Stein. *Serindia*. Orford, 1922.

⁵ Ср. Le Coq, A. *Buddhistische Spätantike in Mittelasien Erster Teil Die Plastik*. Berlin, 1922. Taf 31 b, Taf 32, Taf 33 и др.

⁶ Полную аналогию как в смысле материала, так и техники к описываемым памятникам представляют собою архитектурные детали и торс-статуэтки Devata найденные на так называемой Верблюжьей горе к юго-востоку (около 10 верст) от Айваджа в 1913 году одним из участников почвовой экспедиции, обследовавшей эту часть горной Бухары. Часть названных памятников (неудобоперевозимая) была оставлена на месте и сфотографирована, часть вывезена нашедшим в Москву, где в настоящее время и находится. Необходимо отметить, что на так называемой Верблюжьей Горе были найдены фрагменты керамики (в настоящее время переданные Музею Восточных Культур) совершенно схожие с теми, что дал Чингиз тепе.

⁷ Кроме района Термез,—Айвадж памятники буддийской культуры найдены были на Афрасиабе (головы статуй Будд; остатки фески, в настоящее время исчезнувшей) и в районе быв. Серахского приставства и около Кушки (пещера).

А. Стрелков.

Музей восточных культур в 1927—28 году

Истекший год явился для Музея, в сущности, первым годом его новой жизни. Только к осени 1926 года, в связи с получением нового здания, стала возможной попытка практического осуществления реорганизации, намеченной ранее, при разработке «Положения о Музее Восточных культур». Если не считать неизбежных организационного и подготовительного периодов,—то 27 февраля 1927 года—день открытия Музея в новом здании—надо считать первым днем его вступления в ряды центральных музейных учреждений Москвы в реорганизованном виде. К открытию Музей включил в экспозицию экспонаты Отделов Среднего и Советского Востока и Кабинета революционного движения в странах Востока помимо экспозиции Отделов Дальнего и Ближнего Востока, дающих основное ядро коллекций Музея. В частности, в отделе Дальнего Востока была выставлена китайская керамика, китайские изделия из нефрита и других твердых камней, китайская живописная эмаль, китайская и японская перегородчатая эмаль, китайская и японская бронзовая и деревянная скульптура, японская миниатюрная скульптура, китайская живопись, японская цветная гравюра и китайская мебель. Отдел Ближнего Востока выставил коллекции персидской и турецкой керамики, персидские и турецкие ковры и ткани, персидскую и индийскую миниатюру и персидские лаки. Отделом Среднего Востока была устроена выставка коллекции по ламаизму, собранной покойным профессором монголоведом А. М. Позднеевым и приобретенной для Музея Главнаукой. Отделом Советского Востока были развернуты две выставки: «Вы-

ставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму» и «Туркменский ковер». Наконец, Кабинетом революционного движения были выставлены материалы по современному революционному движению в Турции и Китае.

При разработке и осуществлении экспозиционного плана перед Музеем резко встал вопрос о крайней недостаточности помещения. На всей экспозиционной площади могла быть размещена лишь незначительная часть экспонатов Музея (так напр., по Отделу Дальнего Востока лишь 1/5 его коллекций). Стремясь к возможно более широкому ознакомлению с своими собраниями, Музей был вынужден, поэтому, пойти по пути частичной смены экспозиции, осуществляемой устройством временных выставок. Из числа последних за истекший год были развернуты (в порядке последовательности) выставка научно-исследовательских работ по изучению материальной культуры Средней Азии (по Отделу Советского Востока), «Октябрьская Революция и Восток» (по Кабинету революционного движения), выставка кустарной промышленности Средн. Азии за период блокады (1918—20 гг.), отчетная выставка по экспедиции 1927 г. в Термез (обе по Отделу Советского Востока), экспозиция афганского и белуджистанского ковра (по Отделу Среднего Востока), «Национально-освободительное движение в странах Востока в художественном отображении» (по Кабинету рев. движ.) и «Народное творчество Японии» (по Отделу Дальнего Востока). Интенсивная работа по смене и оборудованию выставок поневоле внесла некоторую лихорадочность в жизнь Музея, в известной степени нарушая его нормальную деятельность. Это последнее обстоятельство и побудило Правление Музея поставить, в качестве одной из основных задач, вопрос о дальнейшем расширении помещения и внести в Главнауку проект пристройки нового здания к занимаемому Музеем особняку. В случае осуществления проекта, эффект прироста экспозиционной площади выразится в 200% по отношению к имеющейся, что, конечно, значительно облегчит тот жилищный кризис, который Музею не удастся изжить на протяжении последних лет.

Твердо ориентируясь на расширение помещения в ближайшем будущем, Музей продолжает вести усиленную ра-

боту по научному собирательству. Из пополнений истекшего года наиболее важной и исключительно ценной является коллекция, принесенная в дар Музею В. Г. Тардовым и значительно пополняющая Отдел Ближнего Востока. Имея в своем составе свыше 600 отдельных памятников, она содержит, преимущественно, памятники материальной культуры Персии: стекло, керамику (изразцы, фаянсовые и фарфоровые изделия), лаки, ткани (главным образом, образцы народного текстильного производства, т. н. «калемкары» или набойки) и пр. Наряду с памятниками эпох близких к современности, собрание содержит ряд ценнейших памятников XII—XIII в.в., а именно керамические изделия Рейского типа (чаши, фрагменты сосудов, изразцы) с люстровой росписью, полихромные, бирюзовой поливы и пр. Вся коллекция в целом представляет значительный интерес, как с культурно-исторической, так и с производственной точки зрения. Из других приобретений необходимо отметить пополнение коллекции японской миниатюрной скульптуры (нетцке), произведенной в результате отбора из Ленинградского Музейного Фонда и покупкой у частных лиц. Из других пополнений по Отделу Дальнего Востока значительный интерес представляют переданные Музеем Изящных Искусств картина «Обезьяны, ловящие луну» (одно из крупных достижений японской живописи—школы Кано) и два китайских колокола начала XVIII века, японская сабля (катанà) XVIII века и полученные из Московского Госфонда образцы японской бронзы. Отдел Советского Востока значительно пополнен привозом экспедиции: (фрагменты резьбы по алебастровой штукатурке, фрагменты буддистских статуй из известняка, архитектурных деталей и пр.). Из остальных пополнений можно отметить коллекцию китайских современных революционных плакатов, пожертвованную для Кабинета революционного движения в странах Востока.

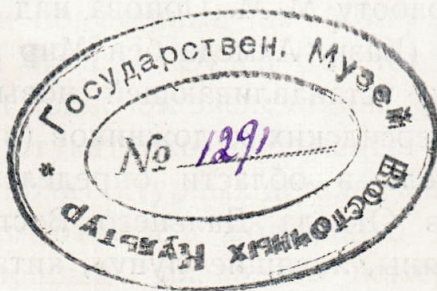
Наиболее значительным событием в научной жизни Музея за истекший год явилась организация Ученого Совета, утвержденного Главнаукой 27 января 1928 г. в составе: проф. А. С. Башкирова, проф. И. Н. Бороздина, приват-доцента Н. И. Брунова, проф. П. И. Воробьева, Ф. В. Гогель, проф. В. А. Гурко-Кряжина, проф. Б. П. Денике, Р. П. Дмитренко, Б. Н. Засыпкина, О. Д. Каменевой, В. Н. Кацаурова,

Р. Н. Кима, Т. Н. Козьминой-Бороздиной, академика Н. Я. Марра, проф. Б. В. Миллера, проф. Л. З. Мсерианц, академика С. Ф. Ольденбурга, С. К. Пастухова, Ф. Н. Петрова, М. М. Попова, А. С. Стрелкова, Н. Т. Тюрякулова, А. Е. Ходорова, А. М. Эфроса, проф. Н. Ф. Яковлева и представителей: Академии Истории Материальной Культуры—проф. Ю. В. Готье, Наркоминдела — Б. Н. Мельникова, Секции Научных Работников—А. П. Савватимского, Ц.С.Н.М. Наркомпроса — Агеева,—Научной Ассоциации Востоковедения при ЦИК СССР и некоторых других учреждений. Наличие авторитетного учреждения, прорабатывающего вопросы научной деятельности Музея, и осуществляющего тесную связь с рядом научных учреждений Союза,—должно способствовать планомерному развитию научно-исследовательской и научно-просветительной работы, ведущейся в Музее. На первом заседании, состоявшемся в марте 1928 г., Ученый Совет, констатировав правильное направление и относительно широкие размеры деятельности Музея, одновременно подчеркнул крайнюю необходимость «устранить препятствия, стоящие на путях его развития и заключающиеся в совершенной недостаточности ныне занимаемого им помещения, а также в крайнем недостатке кредитов на научно-исследовательскую, экспедиционную и особенно издательскую работу». Очередная научная работа велась в рамках обычного обследования и обработки памятников, при чем здесь следует отметить работу М. М. Попова над персидской рукописью XVI века (Кази Ахмеда бен Мир Мунши) о восточных каллиграфях, устанавливающей новые биографические данные о ряде персидских художников (в частности, о Бехзаде), Ф. В. Гогель в области определения и датировки ряда памятников Отдела Дальнего Востока, в частности, картины «Обезьяны, ловящие луну», китайских колоколов и др., а также работу в области выяснения китайского влияния в культуре крымских татар, о чем им был сделан специальный доклад, Р. П. Дмитренко в области изучения японской миниатюры (см. изданную Музеем брошюру Р. П. Дмитренко «Японская миниатюрная скульптура») и, наконец, работы участников Средне-азиатской экспедиции 1927 г., которым и посвящен настоящий Сборник. Зав. Отделом Советского Востока проф. И. Н. Бороздин продолжал разра-

ботку материалов Крымской экспедиции, подготовив к печати монографию «Археологическое изучение Солхата» и напечатал в «Новом Востоке» (№ 20—21) статью: «Поездка в Ингушетию», знакомящую с результатами его обследования этого края в научно-культурном отношении.

Культурно-просветительная работа, как специальная отрасль деятельности Музея, сосредоточилась вокруг бюро просветительной работы, организованного, в соответствии с указаниями Главнауки, в начале 1928 г. и возглавляемого членом Правления, проф. В. А. Гурко-Кряжиным. Бюро проработало план работ на 1928—29 г. и частично приступило к руководству текущей просветительной работой, проведя ряд лекций, кампаний (неделя Красной Армии, Женский день) и пр. В области приспособления экспозиции к задачам культурно-просветительной работы надо отметить применение принципа «самоговорящего музея» в экспозиционной обработке последних выставок, в частности, выставки «Японское народное творчество», осуществленной членом Бюро Ф. В. Гогель, и выставки Кабинета революционного движения и отчетной выставки по экспедиции в Термез.

В. Н. Кацауров.



СПИСОК РИСУНКОВ.

1. Термез. Здание № 1. 2. План здания № 1. 3. Гробница Хакими Аль Термези. Деталь. 4. Султан-Саадат. Верхняя часть облицованного майоликой портала. 5. Резная капитель в здании № 1. 6. Резьба по гипсу в здании № 1. Мотив № 3. 7. Резная гипсовая декорация здания № 1. 8. «Гофрированное» здание. 9. Термез. Минарет. Деталь надписи. 10. План термезского и джаркурганского минаретов. 11. План сооружений около гробницы Хакими Аль Термези. 12. Кырк Кыз. План 1-го этажа. 13. Кырк Кыз. План 2-го этажа. 14. Кырк Кыз. Арка. 15. Кырк Кыз. Перекрытие коридора. 16. Султан-Саадат. План. 17. Султан-Саадат. Общий вид. 18. Здание против главного входа в Султан-Саадат. 19. Султан-Саадат. Деталь колонны. 20. Джаркурганский минарет. 21. Джаркурганский минарет. Деталь. 22. Фрагмент статуи Будды. Музей Восточных Культур. 23. Фрагмент торы Бодисатвы. Музей Восточных Культур. 24. База колонны. Термез. Частное владение.

TABLE DES FIGURES.

1. Termez. Edifice № 1. Vue générale. 2. Edifice № 1. Plan. 3. Monument funéraire d'Hakimi al Termezi. Detail. 4. Sultan Sahadat. Partie supérieure du portail décoré a carreaux de faïence. 5. Chapiteau en stuc provenant de l'édifice № 1. 6. Edifice № 1. Decor mural en stuc. 7. Edifice № 1. Decor mural en stuc. 8. Edifice „au plan à gaufre“. Plan. 9. Termez. Minaret. Detail. 10. Minarets de Termez et de Djarkurgan. Plan. 11. Plan des édifices situés autours du mazar d'Hakimi al Termezi. 12. Kyrk Kyz. Plan du 1-ier étage. 13. Kyrk Kyz. Plan du 2-ième étage. 14. Kyrk Kyz. Arche d'entrée. Detail. 15. Kyrk Kyz. Voute d'un des corridors. 16. Sultan Sahadat. Plan général. 17. Sultan Sahadat. Vue générale. 18. Edifice situé en face de l'entrée des mazars Sultans Sahadat. 19. Sultan Sahadat. Colonne. Detail. 20. Djarkurgan. Minaret. 21. Djarkurgan. Minaret. Detail. 22. Fragment d'une Statue de Bouddha. Musée des Cultures de l'Orient. 23. Fragment d'une statuette de Bodhisatve. Musée des Cultures de l'Orient. 24. Base d'une colonne greco-bouddhique. Termez.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Б. Денике. — Экспедиция Музея Восточных Культур в Среднюю Азию 1927 года	3
Б. Засыпкин. — Памятники архитектуры термезского района .	17
А. Стрелков. — Доисламские памятники Древнего Термеза . .	41
В. Кацауров. — Музей восточных культур в 1927—28 году . .	48

Издания Музея Восточных Культур.

«Культура Востока». Сборник Музея № 1. Стр. 40 и 15 илл. на отдельных листах. Москва 1927 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ф. В. Гогель. «Туркменский ковер». Стр. 20 и 8 ил. Москва 1927 г. Ц. 30 к.

В. А. Гурко-Кряжин и В. Н. Кацауров. «Октябрьская революция и Восток». Стр. 22 и 4 илл. Москва, 1927 г. Ц. 30 коп.

Р. П. Дмитренко. «Народное творчество Японии». Миниатюрная скульптура. Нетке, Маски. Тсубы. Стр. 32 и 18 илл. Ц. 50 коп.

Ф. В. Гогель «Отдел Дальнего Востока». Путеводитель. 11 стр. и 2 илл. Москва 1927 г. Ц. 15 коп.

М. М. Попов. «Отдел Ближнего Востока». Путеводитель. 10 стр. и 2 илл. Москва 1927 г. Ц. 15 коп.

А. С. Стрелков. «Выставка коллекции по ламаизму». Путеводитель. 6 стр. и 1 илл. Москва, 1927 г. Ц. 10 коп.

И. Н. Бороздин и А. С. Башкиров «Выставка научно-исследовательских работ экспедиции по изучению татарской культуры в Крыму 1925—26 г.». Путеводитель 6 стр. и 2 илл. Москва, 1927 г. Ц. 15 коп.

В. А. Гурко-Кряжин. «Выставка материалов по современному революционному движению в Турции и Китае». Путеводитель 7 стр. и 2 илл. Москва, 1927 г. Ц. 15 коп.

И. Н. Бороздин, Б. П. Денике, И. К. Мрочковский и Б. Н. Засыпкин. «Выставка научно-исследовательских работ по изучению материальной культуры Средней Азии (1924—1926 г.)». Путеводитель. 10 стр. и 2 илл. Москва, 1927 г. Ц. 15 к.

Адрес Музея и склад изданий: Москва, Кропоткинская набережная д. № 29.
